

ЕФИМ ВОЗУЛЯ

ИИБЕЛЬ

ГЛАВНОГО

ГОРОДА

Ефим Зозуля

**«Гибель Главного
Города» и другие
фантастические произведения**

Книжный магазин "Циолковский"

1910-1930

УДК 82-344
ББК (84(2РОС=РУС)1-445

Зозуля Е. Д.

«Гибель Главного Города» и другие фантастические произведения
/ Е. Д. Зозуля — Книжный магазин "Циолковский", 1910-1930

ISBN 978-5-6048540-9-9

Бывает так, что почти всеми забытые книги, десятилетиями теплящиеся далеко на периферии читательского интереса, вдруг становятся необычайно важными. Именно такую книгу вы держите в руках – сборник фантастических произведений Ефима Зозули, журналиста и писателя, секретаря журнала «Новый Сатирикон», основавшего вместе Михаилом Кольцовым журнал «Огонёк», успешного литературного чиновника, пошедшего осенью 1941 года в ополчение и спустя несколько месяцев умершего от ран. Каким образом писателю удалось предугадать мрачные приметы настоящего времени, обыграть их в блистательной манере «Нового Сатирикона», (перечисление этих прорывов в будущее останется за рамками данного краткого предуведомления) – остаётся интереснейшей загадкой.

УДК 82-344

ББК (84(2РОС=РУС)1-445

ISBN 978-5-6048540-9-9

© Зозуля Е. Д., 1910-1930

© Книжный магазин
"Циолковский", 1910-1930

Содержание

Гибель Главного Города	8
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	11
Глава четвертая	12
Глава пятая	14
Глава шестая	15
Глава седьмая	16
Глава восьмая	17
Глава девятая	19
Глава десятая	20
Глава одиннадцатая	21
Глава двенадцатая	22
Дом доктора Катапульти	24
Глава первая	24
Глава вторая	26
Глава третья	27
Глава четвертая	28
Глава пятая	30
Глава шестая	32
Граммфон веков	33
1. Кукс наконец добился цели	33
2. Изумительное изобретение	35
3. «Граммфон веков» на работе	36
4. Люди стремились стать хорошими, но жизнь уже была прекрасна	38
5. Кукс не расстается с «Граммфоном веков», и изобретение становится известным в городе раньше, чем в академии	39
6. В «Камере способностей и призваний»	41
7. Вечер	43
8. Скандал в Академии наук	44
9. Печальная судьба «Граммфона веков»	45
Рассказ об Аке и человечестве	46
1. Были расклеены плакаты	46
2. Первые волны тревоги	47
3. Бежали	49
4. Процедура была проста	50
5. Характеристики ненужных сохранялись в сером шкафу	51
6. За работой	53
7. Сомнения Ака	54
8. Кризис	55
9. Были расклеены плакаты	56
10. Жизнь стала нормальной	57
11. Конец рассказа	58
Мастерская человек	59
Предисловие первое	59

Предисловие второе	61
Глава первая	64
Глава вторая	66
Глава третья	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ефим Давидович Зозуля
«Гибель Главного Города» и другие
фантастические произведения

© ООО «Книгократия», 2024

Евгений Зозуля

Гибель Главного Города

Глава первая

В это утро редкие вялые толпы собирались на площадях и перекрёстках улиц. Люди, немые, невыспавшиеся, растрёпанные, наскоро одетые, выбегали из домов, тревожно и нерешительно бродили вдоль улиц и встречали друг друга унылыми стонами-восклицаниями:

– Они пришли!

– Да. Они здесь!

Кто-то, закрыв глаза и прижав к груди руки, рассказывал:

– Они здесь. Я живу на окраине и слышал звуки труб. Они ликовали. Всю ночь играла музыка.

– А наша армия? Где наша армия?

– Она не в силах бороться с ними. По стратегической диаграмме Главного Генерала, опубликованной вчера, мы ослаблены на две и шесть десятых. Борьба была бы безумием. Солдаты заперлись в казармах. Они говорят, что их предали.

– Позор! Позор!

– Гибель!

– Всю ночь играла музыка!

– Сегодня они войдут в город.

– Смотрите! Смотрите!

Один из жителей Главного Города – невзрачный, по-видимому, больной – присел и поднял обе руки, устремив на небо испуганный и растерянный взгляд.

Высоко над Главным Городом кружился аэроплан.

Каждые несколько минут от него отделялась небольшая тёмная масса и по неровной наклонной линии падала вниз.

– Спасайтесь! – кричали отовсюду. – Спасайтесь! Спасайтесь!

Унылые фигуры, согнувшись и схватившись за голову, бежали по улицам и скрывались в домах.

Но вскоре опять выходили.

Оказалось, что враг-победитель бросал с аэропланов цветы... Самые настоящие, огромные связки гвоздик и роз...

– О, гнусные, жестокие люди!

– Разбойники!

– Звери!

– Подлые, грязные души!

Каждый, даже самый мирный житель Главного Города ругал победителей самым желчным образом. Цветы – вместо недавних снарядов. Цветы, бросаемые побеждённым, униженным и растоптанным, – это была злая, бесконечнообидная насмешка.

Никто не брал этих цветов. Двух подростков, поднявших цветы из любопытства, толпа избилла и сбросила с моста в реку.

Главный Город впервые сознал свой позор.

Магазины были закрыты. Трамвай остановлен.

Многие носили траур.

А в разных частях города, на улицах, балконах, площадях и крышах валялись чужие цветы, обидно пестрели чужой дразнящей радостью, вызывая в жителях Главного Города стоны обиды и отчаяния.

Глава вторая

Ожидали, что неприятельские войска с триумфом вступят в город и пройдут по главным улицам, покоря женщин и вызывая последнее отчаяние в душах мужчин.

Но ни один отряд не вступал. Неприятель расположился далеко за городом, только в некоторых отдалённых окраинах слышна была музыка, игра многих, как выяснилось потом, более пятидесяти соединённых оркестров.

По ночам над Главным Городом сияли огненные надписи неприятельских словесных прожекторов. На тёмном фоне ночного неба над Главным Городом появлялись огненные стихи неприятельских поэтов. В них говорилось о силе победителей, об их культурности и милосердии. Вслед за стихами сверкали уверения, что жители Главного Города не будут обижены, что порядок жизни не будет нарушен, и только одно условие президент должен будет подписать. «Одно условие» было подчёркнуто.

Затем на небе печатались рекламы неприятельских торговых фирм – про мыло, какао, часы и ботинки. Всё небо до рассвета было покрыто этими рекламами. Жители плакали в домах. Подходили к окнам, смотрели на небо, читали рекламу про новую гнутую мебель или гигиенические наусники и – плакали.

Следующий день прошёл спокойно. Музыка за городом смолкла. Перестали сыпаться и цветы. Только ночью опять назойливо и нагло пестрели на небе светящиеся объявления – бесконечные, бесконечные – уже более мелких и второстепенных фирм.

Глава третья

Президент Главного Города созвал наиболее деятельных членов парламента, представителей прессы и Главного Генерала и объявил им, что Главный Город погибает.

Все это знали: о гибели Главного Города писали много ещё задолго до победы неприятеля, но президента выслушали почтительно, – он был безмерно уважаем и не был повинен в поражении.

Многие из членов парламента подумывали даже о необходимости выражения сочувствия ему, как страдальцу и мученику.

– Главный Город погиб, граждане, – сказал президент. – Мы ещё не знаем условий мира, но они будут ужасны. Призываю вас к спокойствию и мужественному терпению.

В его словах были: вескость и то, что вызывает успокоение.

– Надо напечатать воззвание, – предложил один из членов парламента.

– Да. Да. Непременно. Воззвание. Надо выбрать комиссию.

Комиссия была выбрана и воззвание составлено.

«Граждане Главного Города! – говорилось в нём. – Призываю вас к спокойствию. Ни одна бестактность не должна быть совершена по отношению к победившим. Не будем отвечать ни на одно оскорбление. Не обращайтесь внимания на цветы, рекламы и музыку наших врагов. Будьте терпеливы. Да поможет вам Разум, единственный царь земли, покоритесь его единственной законной власти».

Воззвание не помогло. Ночью в разных частях города была слышна стрельба. Стреляли из ружей и пушек по объявлениям, назойливо заволакивавшим небо.

На одной из окраин образовался большой партизанский отряд, самовольно отправившийся воевать с победившим врагом.

Безумцев постигла жестокая участь: их обезоружили, разъединили, насильно вымыли, переодели и заставляли слушать музыку, есть роскошную пищу и развлекаться в обществе прекрасных женщин.

Многие покончили самоубийством, многие посажены в дома для умалишённых, а большая часть, опозоренная, высмеянная, не выдержавшая искуса, вернулась в Главный Город.

Глава четвертая

На пятый день торжества победы враг прислал парламентёров. Они прибыли без оружия и конвоя в открытом автомобиле и остановились у дома президента. Было их три человека: старик, женщина и высокий, сухой, прищуренный человек средних лет, на вид самый твёрдый и деловой из них.

Оказалось, однако, что главой делегации была женщина – среднего роста, костлявая, с приятной улыбкой и бесцветными глазами.

Она объявила президенту Главного Города, что её народ не желает побеждённым злом, не хочет ни насилий, ни мести, – он требует только одного: согласия на то, чтобы над Главным Городом выстроить новый город, над его площадями и улицами – новые площади и улицы, над его домами и мостами – новые дома и мосты.

Президент поднялся с кресла, взмахнул руками и – неудержимо заплакал.

Неприятельские парламентёры отошли от него и повернулись к стене. Женщина была возбуждена и, точно в недоумении, поводила плечами.

Когда президент перестал плакать, она подошла к нему и сказала – без участия, но и без жестокости:

– Не понимаю, почему вы волнуетесь, господин президент, может быть, вы нас не поняли – ни один житель Главного Города, ни одно здание в нём не пострадают. Мы будем строить свой город *над* Главным Городом. О нашей технике вы, надеюсь, слышали. Конечно, некоторые неудобства мы вам причиним: перед вашими окнами будут стоять стальные брусья – основания для наших домов и улиц. Но ведь это пустяки. Затем, у вас, разумеется, будет темнее, чем сейчас, возможно даже, что в некоторых районах будет совсем темно, – что ж, будете пользоваться электричеством. Ничего не поделаешь. Воля моего народа священна, я не уполномочена менять её.

Президент Главного Города молчал.

Враги были кратки, корректны и деловиты. Они не были сентиментальны. Кроме того, – отчётливо знали, чего хотят, и знали, что никакая сила на земле не помешает им осуществить свои желания.

– Почему вы это делаете? – спросил президент и шумно вздохнул. Он сразу почувствовал, что вопрос его больше следствие усталости, чем государственного ума.

– Да! – поправился он. – Это я так спросил. А скажите, что вы будете делать в Верхнем Городе?

– Мы будем жить там, – ответил вместо женщины старик и насмешливо кашлянул.

– Странно.

– Тут нет ничего странного, – сказала женщина.

– Вы хотите нас погубить, – вздохнул президент. Нельзя сказать, чтобы и эта его реплика произвела большое впечатление на неприятельских парламентёров.

– Нет, господа, лучше убейте меня! Убейте! – трагически воскликнул президент и сделал жест отчаяния.

Парламентёры поморщились: их страна, богатая промышленной техникой, была бедна пафосом, и пафос президента был им открыто неприятен.

– Убейте меня! Я не вынесу этого неслыханного позора! Жить внизу, во мраке, под вами, вечно встречаться с вами, смешаться с вами... О!

– Позвольте, – перебила его женщина, – жители Главного Города не будут нас видеть и не будут встречаться с нами. Только первые десять лет, покуда не закончатся работы внизу, – а затем вы нас не будете видеть.

– Как так?

– Вход в Верхний Город жителям Главного Города будет строжайше воспрещён.

– Убейте меня! Убейте! Я не хочу разговаривать с вами! Да будет проклята культура, если она может быть так жестока! – опять взволновался президент. – Убейте меня! Разрушите Главный Город, превратите его сначала в развалины, а потом стройте свой новый город. Я сегодня же организую восстание. Уходите. Переговоры я считаю излишними.

– Напрасно, – равнодушно ответила женщина. – Восстание – вещь дикая. Да и бесполезная. Мы очень сильны. Но должна вам сказать, что путь культуры – путь вернейший.

– Как вы смеете говорить о культуре? – всё с тем же пафосом, какого было немало в Главном Городе, вскричал президент.

– Мы именно о ней говорим. Мы говорим о подлинной культуре. Неужели вы думаете, что мы пощадили бы вас, если б не забота о сохранении вашей культуры, если б не уважение к идее преемственности культуры? Мы считаем вас отжившим народом, но культуру вашу ценим, и свой город мы построим над вашим только потому, что хотим иметь и сохранить ваши здания, ваши прекрасные музеи, ваши библиотеки и ваши храмы. Только потому. Мы хотим иметь вашу старую, прекрасную культуру у себя, так сказать, в погребке, и выдерживать её, как вино...

Глава пятая

Президент Главного Города обратился к победителям с просьбой освободить небо от коммерческих объявлений, хотя бы на одну ночь, чтобы иметь возможность оповестить население об условиях мира и решении победителей выстроить над Главным Городом новый город.

Неприятельский штаб ответил, что нет особенной надобности в использовании для этого непременно неба, – можно это сделать путём печатных воззваний, но если уж президенту хочется использовать непременно небо, принадлежащее победителям, то можно вступить в переговоры с публикаторами, взявшими небо в аренду, и возместить им в соответствующем размере убытки.

Обсуждение этого вопроса в парламенте впервые обнаружило примиренческое течение центра. Один из ораторов умеренных групп произнёс обширную речь, в которой доказывал, что, со своей точки зрения, точки зрения победителя, неприятель прав и поступать иначе, чем поступает, он не может. Вступать на путь вечных пререканий и явно бесплодной борьбы поэтому неразумно. Необходимо, – по возможности не откладывая, – выработать общие условия соглашения, а борьбу начать тогда, когда будут благоприятные обстоятельства.

Речь этого оратора вызвала сильное негодование. Ему был даже брошен упрёк в продажности и в измене Главному Городу, а трёх представителей крайних групп пришлось насильно вывести из зала заседаний.

– Не получили ли вы подряда на несколько улиц для Верхнего Города? – в исступлении крикнул один из выводимых злополучному оратору.

Президент Главного Города, осунувшийся, не спавший несколько суток, по поводу последнего упрёка заявил парламенту, что никакие подряды гражданам Главного Города неприятелем даваться не будут, – это известно уже из устава постройки Верхнего Города, – и потому упрёк представителя крайних групп не только незаслуженно оскорбителен, но и совершенно неоснователен.

Затем президент предложил прекратить бесполезные прения и выбрать комиссию для переговоров с арендаторами неба, для освобождения его от рекламы на одну ночь.

Комиссию выбрали.

К вечеру вопрос был решён: правительству Главного Города уступалась половина небесного свода для сообщения населению важнейших сведений.

Объявление написал сам президент. Оно было одобрено парламентом и вечером запестрело прямыми, суровыми и зловещими красными буквами на синем, таинственноравнодушном небесном своде:

«Граждане, – говорилось в нём, – мужайтесь! В последний раз вы смотрите на вольное, на ваше небо! Отныне оно принадлежит не вам. Не для вас будут мерцать звезды и не для вас будет сиять солнце! Наш великий, чудесный и милый Главный Город будет огромным, тёмным, мертвенно-электрическим склепом! Над ним будет выстроен новый город, и нам будет страшно воспрещён вход в него. Десять лет будет строиться Верхний Город, и с каждым днём всё меньше и меньше будет над нами вольного неба. Таково, дорогие граждане, страшное решение победителей. Терпите! Мужайтесь! Да поможет вам разум и единственная мудрость на земле – мудрость надежды. Не может быть, чтобы Главный Город погиб так ужасно и неотвратимо.

Это – испытание слепой судьбы. Да помогут вам надежда, бодрость и вера в счастливое изменение обстоятельств».

Дальше следовал сухой текст параграфов мирного договора.

Глава шестая

Это была неповторимая по тревожности ночь. Ещё до опубликования объявления президента в Главном Городе начали распространяться слухи, что неприятелем в десяти верстах от города построены и наведены на Главный Город какие-то огромные металлические трубы.

В вечерних газетах высказывались тревожные предположения, что это – сооружения для того, чтобы смыть объявление президента, если оно будет составлено в неприятном для победителей духе, – машины для устройства искусственного дождя или затемнения неба.

Но экстренные выпуски полуночных газет опровергли это предположение: оказалось, что машины и трубы устанавливались неприятельской «Ассоциацией Действенной Философии» для производства *всеслышного машинного систематического хохота* над неудачами и ошибочными действиями правительства, политических партий и населения Главного Города.

Газета, первой сообщившая о настоящей цели установления машин и труб, сопроводила заметку советом – плотно закрывать на ночь двери и окна и по возможности не выходить на улицы, чтобы не слышать обидного, но – увы! – неотвратимого хохота.

Бульварные листки, выходявшие по два-три выпуска в час, успели перепечатать это сообщение и снабдить его воинственными комментариями и угрозами, что граждане Главного Города не потерпят подобного издевательства, что нужно немедленно мобилизовать все барабаны, имеющиеся в Главном Городе, все звонки, колокола, гудки и прочие инструменты, могущие создать сильный шум, а если их окажется недостаточно, то не останавливаться и перед оружейной канонадой.

В два часа ночи раздались первые раскаты ужасного машинного хохота.

Ни с чем не сравнимый гнёт его звуков заставил сердца всех живых существ, населявших Главный Город, забиться и сжаться.

Машинный хохот действовал двояко: смешил и удручал.

Никто не спал в эту ночь.

По улицам слонялись с диким хохотом подростки, взрослые, женщины, старики. Многие рыдали. Многие, поддаваясь заразительности машинного хохота, смеялись и плакали одновременно.

Были попытки и противодействовать работе этих поистине адских машин. Где-то барабанили, кричали, где-то что-то взрывали, всё время была слышна стрельба, но вскоре ясно стало, что если хохот будет продолжителен, результаты его будут катастрофичны.

К президенту Главного Города обратилась депутация от учёных, гуманистических обществ и университетов с просьбой немедленно вступить в переговоры с «Ассоциацией Действенной Философии» и приложить все усилия к тому, чтобы прекратить деморализующий, бесчеловечный, неслыханный хохот.

Депутация представила президенту несколько докладов о непосредственных результатах чудовищной пытки всего за три часа. Даже, по неполным сведениям, в пятимиллионном Главном Городе уже оказались десятки психических заболеваний, около восьмидесяти самоубийств и огромное, не поддающееся подсчёту, количество серьёзных душевных потрясений.

Президент Главного Города принял депутацию, сидя у открытого окна. Он сидел совершенно спокойно, усталым взором вглядываясь в смутные контуры домов и крыш. Даже наиболее резкие раскаты хохота, отчётливо напоминавшие хохот здорового, широкогрудого, умного и мстительного мужчины, не заставляли его морщиться.

Он спокойно выслушал взволнованных делегатов и, покорно исполняя просьбу, отдал письменно необходимые распоряжения.

Глава седьмая

К председателю «Ассоциации Действенной Философии» отправились на правительственном самолёте двое: всемирно известный писатель Клод, гуманистическим идеям которого удивлялся весь культурный мир, и учёный Главацкий, которому гений и сорокалетний неустанный труд дали возможность освободить человечество от мора чехотки.

Не могло быть сомнений в том, что два этих человека окажут должное влияние на учёных победившей страны и заставят прекратить угнетающую форму философской проповеди.

В неприятельском лагере делегатов встретили, как и можно было ожидать, с почётом. Всего через полчаса они были приняты президиумом «Ассоциации», и ходатайство их было заслушано с величайшим вниманием.

Однако в удовлетворении ходатайства им было отказано.

Председатель «Ассоциации Действенной Философии», сморщенный старичок в круглых золотых очках, почтительно согнувшись и сложив руки на животе, заявил знаменитым делегатам Главного Города:

– Я был бы счастлив, если б мог сделать для вас приятное. Но, к сожалению, мы считаем невозможным упустить столь благоприятный момент для борьбы с устарелой, бесплодной и, по нашим воззрениям, вредной эпидемией оптимизма, которой был охвачен Главный Город и жертвой которого он, как видите, пал. Конечно, прискорбно слышать о потрясениях и заболеваниях, сведения о которых содержатся в ваших докладах, но мы глубоко убеждены, что морально перерождённых, оздоровлённых и даже духовно воскресших лиц в Главном Городе окажется в результате значительно больше.

Мы считаем нужным продолжать нашу проповедь хохотом ещё девять часов. Не безынтересно отметить, что у его королевского величества до нас пытался получить разрешение на смех синдикат сатирических клубов и журналов, но нам вовремя удалось доказать научность и полноту единственно нашей формы проповеди, и Академия Наук предоставила монополию нам. У синдиката имелось намерение перемежать здоровый научный хохот со свистом, что является мерой довольно сомнительной, и ещё некоторыми ироническими завываниями и улюлюканьем, целесообразность которых требует, конечно, самой строгой проверки и вряд ли может быть признана удовлетворительной с точки зрения науки.

Глава восьмая

С этой памятной ночи прошло две недели.

Внешне почти ничего в Главном Городе не изменилось, если не считать несколько возросшего количества пожаров. В числе их причин в пожарных бюллетенях отмечались поджоги библиотек и архивов, что было связано с кризисом мировоззрения у многих государственных деятелей и частных граждан.

Победители почти ничем не напоминали о себе. Углубление и укрепление своей победы они проводили путём официальных переговоров, изданием декретов и уставов.

Партизанские выступления отдельных отрядов прекратились. С своей стороны, победители перестали забрасывать Главный Город цветами, а музыки не слышно уже было давно. Только светящиеся объявления по вечерам заволакивали небо, но к ним жители Главного Города успели привыкнуть.

Магазины были открыты. Городское движение возобновилось в полной мере. Газеты и журналы выходили регулярно.

Начавшийся было массовый отъезд из Главного Города состоятельных граждан был прекращён запретительным неприятельским декретом, но и это не повергло общество в особенное уныние.

Дух апатии и равнодушия вообще с каждым днём всё больше и больше охватывал население.

Кинематографические съёмочные автоматы, имевшиеся на многих улицах Главного Города, непрерывно снимавшие прохожих для изучения их «Обществом Любви к Человеку», сейчас давали на снимках большой процент фигур с вялой поступью, рассеянным и угнетённым выражением лиц и нервными движениями. В знак траура и протеста члены «Общества Любви к Человеку» носили на левой руке чёрную повязку.

В городе участились самоубийства. В газетах, в отделе объявлений, печатались предсмертные письма, признания и афоризмы самоубийц. Один старый почтенный голубятник отравил кокаином всех своих голубей, – больше десяти тысяч, – выкрасил всех в чёрную краску и выпустил в город. Сам он отравился в тот же день, а бедные птицы обалдело носились по городу несколько часов и замертво падали на крыши и мостовые, с жалобным воркованием.

Нравственность заметно пала. Тираж газет, занимающихся разоблачениями, значительно повысился. Большой успех имели расплодившиеся в огромном количестве юмористические листки, злобно и грубо высмеивавшие всё, что вчера ещё было дорого Главному Городу, во что все верили и чему поклонялись.

Лидеры партий, руководители общественных течений и групп занялись сведением личных счетов и взаимной травлей. Наблюдались всеобщая озлобленная растерянность и духовная опустошённость. Даже серьёзные и правительственные газеты начали уделять много места личной полемике, не свободной от злобных обвинений, мстительных выпадов и желания обидеть, унижить, а не выяснить правду.

В сильнейшей степени развились наркотические клубы, азартные игры, разврат, потребление вин и сластей и, наконец, участились убийства и авантюры. Из последних наиболее характерным является процесс одного адвоката, который выдавал себя за агента победителей и тайно продавал жителям Главного Города за большие деньги подложные документы на право проживания в ещё невыстроенном Верхнем Городе.

Все театры были открыты и переполнены равнодушными зрителями, ищущими забвения. Значительно участились концерты и балы. Но веселья на них не ощущалось.

«Общество Любви к Человеку» устраивало пышные карнавальные шествия для борьбы с унынием. На огромных автомобилях, украшенных цветами и пёстрыми декорациями, кривлялись клоуны, пели певцы и показывали фокусы акробаты.

Глава девятая

Особым декретом победителей правительство Главного Города было смещено, а парламент распущен.

Вместо того и другого победители предложили Главному Городу выбрать «Правительство Покорности» из шести человек.

1. *Министр Тишины*. Его задача – сведение шума Главного Города к минимуму, чтобы не тревожить обитателей будущего Верхнего Города.

2. *Министр Вежливости*. На его обязанности – оградить кадры рабочих и инструкторов, строящих Верхний Город, от агитации, эксплуатации чувства жалости, а также от оскорблений, насмешек и причинения всяческих неприятностей.

3. *Министр Ответственности*. Он отвечает за благонадёжность жителей Главного Города, гарантирует путём создания строго научной системы абсолютную физическую и психологическую невозможность покушений снизу на благополучие и спокойствие Верхнего Города.

4. *Министр Количества*. Обязанность – нормировка и, если нужно, сокращение прироста населения, чтобы перегруженность Главного Города не отразилась как-нибудь на благополучии Верхнего Города.

5. *Министр Иллюзий*. Обязанности – грандиозными декорациями создавать иллюзию неба, где это представится возможным.

6. *Министр Надежд*. Последний должен развивать в жителях Главного Города дух мудрой надежды на улучшение обстоятельств в будущем.

Декрет заканчивался двумя примечаниями.

В первом сообщалось, что образовавшаяся в Главном Городе Партия Покорных обратилась к победителям с предложением переименовать Главный Город в Тёмный Город. На это его королевское величество изволил ответить, что переименование преждевременно, но просил выразить благонамеренной части населения, проявившей столь яркий акт мудрой покорности, благодарность.

В другом примечании Главному Городу разрешалось удовлетворить свою естественную потребность в негодовании в течение пяти дней. На эти дни победители уведут из окрестностей Главного Города все войска, чтобы ничем не помешать свободному проявлению чувств граждан Главного Города. Кроме того, правительство, армия и население победившей страны на все пять дней, предназначенных для негодования, объявляют себя в состоянии высшей терпимости ко всему, что о них будет высказано в какой угодно форме.

Шестой и седьмой дни предназначены для выборов в «Правительство Покорности», а к двенадцати часам восьмого дня всё должно быть в точности выполнено и «Правительство Покорности» сформировано, – или Главный Город будет беспощадно сметён с лица земли в несколько часов.

Глава десятая

Вскоре, по требованию победителей, началась энергичная работа по коренной дезинфекции Главного Города, который должен был быть абсолютно опрятным и здоровым, ибо должен был служить основанием для Верхнего Города.

Гражданам Главного Города сделали прививки против всех болезней. Бюро продуктов по настоянию властей вменило в обязанность всеобщее ежедневное потребление брома. Без аптечной квитанции и доказательства, что дневная порция брома принята, – не выдавались продукты первой необходимости.

Главный Город представлял собою зрелище невиданное: люди всех классов, положений и состояний были одинаково чисто и опрятно одеты, причёсаны и вымыты, а жилища их стали образцом чистоты и порядка.

Репрессии приходилось применять в самом незначительном масштабе.

«Правительство Покорности» проявляло максимум энергии.

При Министерстве Вежливости организовались кадры инструкторов, агентов и полисменов. Они исправно несли свои обязанности, охраняя рабочих, закладывавших уже стальные и бетонные основания для Верхнего Города.

Главный Город зажил беспокойной, спешной, трудовой жизнью. Стоял несмолкаемый грохот от лязга железа и стали, стука молотков, скрипа резательных машин, металлического скрежета лебёдок и гудков рабочих автомобилей.

Почти на всех улицах рыли ямы, мерили, устанавливали леса, а во многих районах на крышах зданий было так же людно, как на площадях и улицах.

Глава одиннадцатая

Прошло много времени.

Верхний Город рос не по дням, а по часам. Западная часть была уже почти готова. В ней поселились люди. Ежедневно на грузовых самолетах вывозили сор. Вился дым из труб. Уже сжигали покойников в крематориях. Дети шли в школы.

Были казармы и тюрьмы. Был дом для умалишённых. На широкой площади, расположенной над великолепным парком Главного Города, высился красивый и стильный дворец короля.

В Главном Городе стало уже почти совсем темно. Квартиры незастроенных домов сдавались по очень высоким ценам, но вскоре и эти дома застраивались.

Одно время в обществе и печати много говорили об искуснейшей декорации одного художника, удачно заменявшей для целых двух улиц и одной площади небо. Министерство Иллюзий выдало художнику медаль.

Вход в Верхний Город для жителей Нижнего Города был строжайше воспрещён. Этот пункт был одним из основных в своде законов: за нарушение его сажали в специальные «Тюрьмы для любопытных», в которых был жестокий режим.

Министры «Правительства Покорности» успели несколько раз смениться.

В Главном Городе было несколько восстаний, которые были жестоко подавлены. Два раза небольшие районы восстания были оцеплены стальным кольцом машин и войск и безжалостно залиты цементом.

Образовавшиеся огромные цементовые кубы, в которых было похоронено много жизней, назывались «Кубами незрелых мечтаний».

«Ассоциация Действенной Философии» оба раза, после победы над восставшими, боролась с идеями оптимизма проповедью машинного хохота.

В периоды же покорности и реакции «Ассоциация Действенной Философии» объявляла жителям тёмного Главного Города оглушительным криком исполинских граммофонов:

– Мы вас любим!!! Мы вас любим!

– Человек любит покорность ближних!!

– Смысл жизни в страданиях и самосовершенствовании!!

А однажды машины «Ассоциации» оглушительно кричали целый день:

– Познай самого себя!! Познай самого себя!!!

Из всех министров «Правительства Покорности» за всё время не оставил своего поста только один – Министр Надежд.

Он был стар и весел.

– Граждане! – проповедовал он каждое воскресенье, – дорогие граждане! Надеемся! Будет время, когда изменятся тяжёлые обстоятельства! Мы снова увидим солнце и небо! Верьте! Самое главное, верьте и надеемся!

Вскоре Верхний Город окончательно сформировался. Это был большой, оживлённый, деловой и значительный город. Было в нём и много общественных течений, общественной борьбы партий. Были и партии равенства, справедливости, были и борцы за освобождение Нижнего Города. Они произносили горячие речи. У них были свои собственные органы печати, клубы.

Внизу, в Главном Городе, тоже были мечтатели, борцы за справедливость и равенство.

А в общем, и те и другие жили беспокойно и нетревожно, часто мучаясь и редко радуясь, но всегда или почти всегда надеясь, – как вообще живут люди на свете.

Глава двенадцатая

Ужас пришёл неожиданно. В душный летний полдень на одной из окраин Главного Города взорвался завод. Опасность в пожарном отношении Главного Города была предупреждена, и пожары, обыкновенно, прекращались в несколько минут.

Но на этот раз было иначе.

Пожарных встретили выстрелами. Стреляли раненые взрывом рабочие. К ним присоединились уцелевшие. Сотни пуль летели во все стороны из горящего здания.

Дух мятежа метнулся по Главному Городу. Откуда-то появились оружие, бомбы, орудия взрывов, взрывчатые вещества.

По улицам забегали люди с отчаянными криками:

– Вооружайтесь! Вооружайтесь! К оружию!

Тревожные звонки и гудки слышались на всех улицах.

Величайшая тревога объяла город. Пожар охватил несколько домов, и площадь его всё расширялась. Весь район был окутан чёрным едким дымом. Дым стлался по улицам, не имея другого выхода. Многие задыхались в дыму.

Отчаянные крики и стоны неслись отовсюду. Их заглушали звуки всё новых и новых взрывов.

Кто поджигал дома? Кто взрывал мосты?

Неизвестно. Чёрные фигуры людей, как черти, металась в огне. Они пробегали, согнувшись, и исчезали.

Многие бежали по улицам с криками радости. Многие плакали от радости. Кто-то, захлёбываясь в крике, командовал:

– Взрывайте мосты! Взрывайте дома! Жгите! Побольше жгите!!

Оглушительный взрыв потряс оба города. Из сотен тысяч грудей вырвались ликующие вопли.

Это взорвали парк, над которым высился дворец короля. Белый дворец покривился и рухнул. С каким треском ломались деревья парка! Как гнулись и свёртывались железные решётки мостов и заборов! Исполинские столбы огня, камней и пыли сменяли друг друга.

В Главном Городе потухло электричество. Тьма и мятеж превратили его в чёрный клочущий хаос.

Смятение перебросилось и в Верхний Город.

Сотни тысяч пуль и снарядов посыпались сверху. Стреляли во тьму из всей щелей, из всех пробоин. Но новые взрывы взметали на воздух дома и улицы вместе со стреляющими.

Огонь, удушливый дым, тучи пыли, стекло, расплавленный металл и тела людей, тысячи тел кружились в вихревом и безумном столпотворении.

На площади, при свете факелов, под треск выстрелов и грохот обвалов, Министр Надежд обратился с призывом к толпе.

– Граждане! Бедные, обезумевшие граждане! Остановитесь! Остановитесь, пока не поздно! Вас ждёт смерть! Тому ли я учил вас столько лет?! На что вы променяли дух мудрой надежды?! На тёмный и слепой бунт?! Остановитесь! Остановитесь, несчастные! Пожалейте себя и наш великий Главный Город! Остановитесь, пока не поздно!

Бедняга! Он был убит камнями, а его министерство взорвано вместе со зданиями Верхнего Города.

«Ассоциация Действенной Философии» пыталась что-то проповедовать при помощи машин своих, но они были отброшены столбом огня, а председатель, совсем уже старый и ветхий, еле успел спастись на одноместном аэроплане.

– Дураки, – кричал он, одиноко качаясь в голубом безоблачном небе. – Вам никогда не победить! Мир держится на разумном насилии, а не на диком самонадеянном бунте! Слепые восставшие черви! Презренные оптимистические телята! На что вы надеетесь!

Он задышался на вольном воздухе, точно в петле, плевал вниз, где рушились дома и клочкотал огонь, и умер от страха, злобы и горя.

Машина долго носила по воздуху его сморщенный и лёгкий труп.

Тысячи других аэропланов вылетали из Верхнего Города. На них спасались дети и женщины. Плач и крики наполняли воздух.

А внизу всё чаще и чаще грохотали обвалы и взрывы. Яркий свет проникал в Главный Город. На многих улицах уже видно было небо.

– Да здравствует солнце! – кричали в радостном исступлении тысячи угоревших людей. – Да здравствует небо! Ура-а-а...

В ответ сыпались снаряды, с могильным шипением лился горячий цемент, сыпался удушливый, всё проедающий, смертоносный порошок.

Люди гибли без числа, а живые отвечали новыми оглушительными взрывами, пожарами и метким огнём обречённых.

На каждой улице происходил бой. Бились в квартирах, на крышах, под развалинами и под открытым небом.

– Взрывайте мосты! – кричали отовсюду. – Взрывайте Верхний Город! Жгите! Побольше взрывайте и жгите!

– Граждане! Граждане! Бегите из района рынков! Зовите всех! Сейчас обрушится вокзал Верхнего Города! Спасайтесь, граждане!

– Ура-а-а! Ура-а-а!

Вскоре вокзал обрушился. Страшный грохот не мог заглушить радостных воплей людей. Длинные цепи вагонов с оглушительным треском падали вместе с обломками зданий, вместе с мостами, перронами и рельсами.

Огневой вихрь, смерч из огня, железа и камней взвился к небу.

– Ура-а-а-а!

Большие отряды восставших взобрались по развалинам в Верхний Город. Он был наполовину пуст. Тысячи аэропланов спасали жителей. Им вдогонку посылались проклятья, огонь и пули.

Войска рассеялись. Все казармы были взорваны. Всюду бушевал огонь, качались и падали здания.

– Довольно! – кричали снизу. – Довольно! Мы гибнем. Остановитесь! Довольно!

Целые улицы заживо погребённых, с трудом пробиваясь сквозь горы развалин, умоляли о пощаде.

Но новые обвалы вновь хоронили их, убивали, сметали с лица земли.

Весь день и всю ночь шло великое разрушение, а к утру одинокие и усталые взрывы довершили гибель Главного Города.

Так просто и стихийно погиб он. Сложны и многообразны пути гнёта – нет предела в них человеческой фантазии – а путь к свободе прост, но горек. Верхнего Города не стало.

Было одно только море тлеющих и горящих развалин, чудовищные груды домов, дворцов, площадей, мостов и улиц, а среди искривлённого хаоса железа, камней и дерева – редкие толпы чёрных, оборванных и окровавленных людей.

Многие из них были ранены, многие умирали, многие плясали, потеряв рассудок, но и раненые, и умирающие, и безумные радостно и громко пели песни в честь яркого восходящего и ослепительно-равнодушного солнца.

Дом доктора Катапульты

Глава первая

Когда Курца вызывали по телефону и сообщали, что барин, Алексей Иванович, хочет его видеть, Курц щурил свои зелёные узкие пройдошливые глаза и бормотал не без удовольствия:

– Опять, должно быть, вляпался в какую-нибудь историю.

Лет пять тому назад Курц служил у Алексея Ивановича в качестве обыкновенного лакея. Как лакей, он никуда не годился, и его прогнали.

Но зато его ум, изворотливость и особое умение находить выход из самых запутанных и печальных положений часто заставляли молодого легкомысленного богача вспоминать прогнанного лакея и звать его специально для совета, разумеется, за хорошее вознаграждение.

А в запутанные и нелепые положения молодой богач попадал часто и бывал в таких случаях совершенно одинок и беспомощен.

Он бродил по своему роскошному кабинету, лежал на турецком диване, тёр ладонью лоб, но, в конце концов, приказывал звонить Курцу.

Курц незамедлительно приходил – чистенький, розовый, аккуратный. Алексей Иванович рассказывал в чём дело, а Курц, помигав узкими своими глазами, давал совет, и всегда дельный и подходящий.

«Что сегодня у него за история, однако, – думал Курц, – опять, должно быть, какая-нибудь дурацкая дуэль!»

И Курц, хитро подмигнув самому себе, пробормотал:

– Всё равно, что бы ни случилось с ним, я его сведу с Катапультой, пусть поспит с годик, это ему пойдёт впрок...

Последние слова Курца нуждаются в объяснении.

Бросив лакейство, Курц стал маркёром, затем занял должность эконома в каком-то клубе. В клубе он завёл большие знакомства, вечно что-то кому-то устраивал, получал деньги, и в результате поставил у себя в комнате письменный стол с телефоном и стал похож на делового человека.

К нему обращались со всякими делами разнообразнейшие люди, и почти каждому Курц в чём-либо помогал.

Недавно Курцу рассказали, что в столицу приехал учёный, фамилии которого никто не знал и который называл себя доктором Катапультой.

Этот Катапульта начал весьма странную и необыкновенную деятельность.

Он уверял, что обладает особым чудесным умением усыплять людей на какое угодно время, то есть искусственно прививать летаргию на год, полгода и вообще на сколько угодно.

Было у него множество агентов, распространявших слухи про Катапульту, и успех у него был такой, что Катапульта вынужден был отказываться от клиентов, если они были недостаточно богаты... Курц с Катапультой познакомился, и учёный лично просил его рекомендовать богатых клиентов.

Что с ними делал Катапульта, неизвестно было никому, но достоверно было установлено, что доверившиеся ему люди, польстившиеся на возможность отдохнуть от жизни, уйти хоть на время от её тягот, возвращались от Катапульты после условленного срока, правда, исхудавшими и усталыми, но вполне здоровыми, и на вопросы, где они были и что с ними происходило, либо говорили, что спали и ничего не помнят, либо угрюмо отмалчивались.

Затем, кроме всего этого, Курц узнал, что за каждого богатого человека, сведённого с Катапультой, посредник получал огромное вознаграждение.

Последнее обстоятельство и щекотало, главным образом, жадное воображение Курца.

«Надо будет пристроить голубчика, – цинично думал он об Алексее Ивановиче, – деньги будут хорошие и отдохну от него, а то надоел он мне больно со своими вечными неприятными историями...»

Глава вторая

Курц застал бывшего барина в удручённейшем состоянии. Богач, молодой человек с впалой грудью и наивно выпученными, удивлёнными глазами, лежал на диване и плакал, как дитя.

– В чём дело? Что случилось? – спокойно, как врач, спросил Курц.

– Я не вынесу этого! Я... я... умру! – схватился за голову Алексей Иванович. – Милый Курц, помоги! Ты же умница и всегда мне помогаешь!

– Что ж случилось?

– Моя невеста, Лида, бросила меня и вышла замуж за Кострицкого... Ах...

И покинутый жених залился горькими слезами...

– Что делать?! Что делать! – причитывал он. – Думаю вызвать Кострицкого на дуэль, но она не вернётся ко мне, я знаю, она не вернётся, если даже я убью его...

– Это нехорошо, – сказал Курц, сделав вид, что глубоко огорчён происшедшим, – это не годится...

– Что же? Что же другое?! Говори скорее, Курц. Ты ведь всё знаешь. Говори! Живо!

Богач требовал от Курца умных советов, как требуют от лакея обыкновенных комнатных услуг: он был уверен, что Курц даже и в такой тяжёлой истории найдёт простой и хороший выход.

Курц, однако, молчал.

Но молчал не печально-сочувственно, а как-то с улыбкой.

Это сильно заинтересовало Алексея Ивановича.

– Что такое, Курц? Говори скорее!

– Знаете что, – начал Курц, – мой совет вот какой: идите к Катапульте.

– Что?! – изумился Алексей Иванович. – К кому?!

– К Катапульте.

– А кто он такой? Что это ещё за Катапульта такая?

Курц рассказал об учёном всё, что знал. Рассказал увлекательно, прикрашивая и преувеличивая, и добавил, что все, спавшие по воле чудодея, исцелялись от мучивших недугов.

– А ревность – недуг самый страшный! – закончил Курц. – Его ничем не исцелишь! Нужно много времени, чтобы чувство остыло, а тут – минута, и год пролетел! Известно – сон!

Молодой экзальтированный богач сильно заинтересовался этим неслыханным предложением.

Он долго расспрашивал Курца о подробностях, задумывался, опять расспрашивал и, наконец, решился.

– Хорошо! Молодец, Курц! Ты всегда найдёшь выход! Спасибо, милый!

Чем больше думал Алексей Иванович о летаргии, тем больше этот исход казался самым блестящим, неожиданным и интересным...

Глава третья

На следующий день Алексей Иванович в сопровождении Курца явился к Катапульте. Это было очень нелегко.

Катапульта был окружён такой многочисленной массой всяких секретарей, агентов, служащих и охранителей, что добиться приёма у него можно было только при особых стараниях, знакомствах и настойчивости.

Такое оберегание со стороны Катапульты было вполне понятно: мало ли кто хочет проникнуть к нему под видом клиента?

Его деятельность была нелегальна; власти не могли ведь допускать усыпления людей. Если этакое разрешить, все начнут творить пакости, а потом отсыпаться...

Наконец, Алексей Иванович и Курц увидали Катапульту.

Это был свирепого вида человек с большим лбом и чёрной копной спутанных волос на голове. Особенно характер свирепости этому придавал шрам, тянувшийся непосредственно от левого глаза через переносицу до правой скулы.

Но в то же время и что-то добродушное было в лице Катапульты, а глаза смотрели приветливо, внимательно и умно.

Катапульта сидел за огромным столом, заставленным какими-то странными сосудами и заваленным книгами.

На вошедших он сначала не обратил никакого внимания, потом хмуро ответил на приветствие и сказал:

– Напрасно пришли, господа. Я ничего не могу для вас сделать.

Лицо Алексея Ивановича выразило досадливое нетерпение.

Он разочарованно посмотрел на Курца.

– Доктор, пожалуйста, в виде исключения сделайте. Ради Бога, не откажите!

– Не могу, – повторил Катапульта.

– Ну, я прошу вас! Очень прошу! Не откажите, – не отставал Курц.

Катапульта отошёл к узкому занавешенному окну и задумался.

– Как ты думаешь, Курц, он согласится? – тихо спросил Алексей Иванович.

– Да, вероятно. Подождём.

Минут через пять Катапульта обернулся и сказал:

– А что у вас такое? Что случилось?

Алексей Иванович рассказал ему откровенно о постигшем его горе и муках ревности.

– Так, – мрачно произнёс Катапульта, – хорошо. На сколько же времени вы хотите погрузиться в летаргию?

– На полгода, доктор.

– Сердце у вас здоровое? Дайте-ка я вас выслушаю... Да, ничего. Вы выдержите. Теперь условия. Вы должны подписать условия, что обязуетесь до конца жизни никому не говорить о моём способе прививки летаргии.

– Отлично, доктор! Пожалуйста! Я подпишу!

Катапульта подошёл к квадратному железному ящику, стоявшему в углу комнаты под драпировкой, и достал из него лист бумаги, разграфлённый и расписанный так, что его только оставалось дополнить, чтобы контракт был готов. Алексей Иванович подписал все условия, в том числе и о гонораре в 25 тысяч, который обязался внести вперёд.

– Приходите завтра в шесть часов утра, – сказал Катапульта, – причём, домашним вы заявите, что уезжаете на полгода. Соберите все нужные вещи и без провожатых уезжайте как будто бы на вокзал, а на самом деле ко мне.

Глава четвертая

Лакей и две прислуги метались по комнатам как бешеные, собирая вещи барина.

Барин нервничал и торопился.

Тускло горело электричество, а в окна смотрело тёмносерое ноябрьское утро.

В половине шестого Алексей Иванович был уже на улице и мчался на прокатном автомобиле к Катапульта.

Его встретил у ворот человек в кожаной куртке и сказал, что Катапульта велел подождать в автомобиле.

Алексей Иванович остался ждать. Сердце у него билось сильно и порывисто.

Минут через десять из дома вышел Катапульта, сонный и мрачный, в длинной до пят шубе. За ним вышло шесть человек в таких же кожаных куртках, как и первый, встретивший Алексея Ивановича.

– Мы не поместимся в этом автомобиле. Выходите.

Алексей Иванович покорно вышел.

Из-за угла показался другой автомобиль, очень просторный, принадлежавший Катапульта.

Все уселись и поехали.

На какой-то кривой и мрачной улочке, очевидно, пригородной, Катапульта обратился к Алексею Ивановичу с просьбой завязать себе глаза.

Алексей Иванович не удивился: это условие значилось в контракте.

Он послушно завязал себе глаза платком.

Минут через пятнадцать автомобиль остановился.

Сердце у Алексея Ивановича билось с необычайной быстротой.

– Доктор, куда вы меня везёте? – малодушно спрашивал он, чувствуя вокруг себя семерых парней в кожаных куртках, которые, тоже по условию, конвоировали его и должны были бы доставить его в усыпальницу насильно, если б он по дороге раздумал или смалодушествовал.

– Куда я вас везу? – переспросил Катапульта, – в усыпальницу.

Катапульта был любезен и словоохотлив.

Но в речах его не было ничего навязчивого, он только отвечал на вопросы.

Но отвечал обстоятельно.

– Мы там скоро будем? – беспокоился Алексей Иванович.

Он уже струсил и много дал бы за то, чтобы вернуться домой и забыть про всю эту странную историю, конец которой был тёмн и жутковат.

– Мы приехали.

Действительно, Алексею Ивановичу помогли подыматься по лестнице.

Поднимались долго.

Наконец, послышался голос Катапульта:

– Снимите повязку.

Алексей Иванович с облегчением снял повязку и увидел чистый просторный коридор и ряд дверей, как в больнице или тюрьме.

Один из сопровождавших его парней надел ему на уши металлические закупорки, и Алексей Иванович точно оглох.

– Так надо, – сказал Катапульта.

Алексею Ивановичу показалось, что до того момента, как ему на уши надели закупорки, он слышал крики, но ничего не сказал относительно этого.

Его ввели в небольшую комнату, роскошно обставленную, с прекрасной кроватью.

В комнату вошли только двое конвоиров.

Они быстро раздели Алексея Ивановича, повели в тёплую ванную, вымыли, привели опять в комнату, велели чего-то выпить, что тут же приготовил Катапульта, и уложили его. Не прошло и двух минут, как Алексей Иванович заснул.

Глава пятая

Алексей Иванович проснулся от лёгкой головной боли и чувства голода.

Он открыл глаза, протёр их и оглянулся.

Он находился в комнате, обитой красным сукном и слабо освещённой двумя электрическими лампочками.

Окна не было.

Кроме кровати, на которой он лежал, в комнате находились большой книжный шкаф, письменный стол, гимнастические приборы и всякие необходимые мелочи.

Комната была обставлена лучше, чем в самых заботливых гостиницах.

Над кроватью виднелась кнопка звонка.

Ничего не соображая, Алексей Иванович позвонил.

Через минуту отворилась дверь, и в комнату вошёл человек в красном же, как и обивка комнаты, странном одеянии и чёрной маске.

– Что вам угодно? – спросил он, и по голосу чувствовалось, что это человек, несомненно, интеллигентный.

– Что мне угодно? – в глубоком недоумении и страхе повторил Алексей Иванович. – Послушайте, тут творится что-то неладное. Куда я попал? Что это такое? К чему эта маска на вашем лице? Что со мной происходит?

– Ничего с вами не происходит, сударь. Вы спите. Это сон. Сейчас прилетят чёрные птицы и выключат вам глаза. Но если вы ляжете и не будете волноваться, птицы принесут вам радость.

Алексей Иванович был вполне здоровым человеком и слишком ясно сознавал, что он бодрствует, а не спит, и тут происходит что-то неладное.

К тому же бархатный голосок этого типа в маске, типичный голос среднего заурядного интеллигента, раздражал его.

– Послушайте, вы, – сердито крикнул Алексей Иванович, – что вы на меня туману напускаете! Какие птицы?! В чём дело? И какой, к черту, сон! Я не сплю, как и вы, и пожалуйста, не считайте меня идиотом.

– Что же вам угодно? – повторил свой вопрос человек в маске. – Не угодно ли умыться и позавтракать?

– Это можно, конечно. Но вы мне всё-таки объясните, в чём тут дело?

– Я ничего вам не могу объяснить. Вы спите. Моё дело – являться, когда вы звоните, и помогать вашим снам. Вот, например, сейчас вам снится, что вы голодны – я и накормлю вас.

– Нет! Вы мне скажите, где я и что со мной! – подскочил к нему Алексей Иванович.

Прислужник в маске не отстранился и спокойно сказал:

– Советую вам быть спокойным, а то вам начнут сниться кошмары...

– Какие кошмары?

– Вам будет сниться, что вас бьют, вяжут и так далее...

Алексей Иванович похолодел и замолчал.

Минут через пятнадцать ему принесли завтрак, на который нельзя было пожаловаться.

Алексей Иванович поел и прилёг.

Головная боль прошла.

В семь часов ему принесли обед.

Прислужник являлся по первому звонку и исполнял быстро и хорошо все требования Алексея Ивановича, за исключением ответа на вопрос – что всё это значит...

– Вы спите, и вам всё снится... – упрямо бормотал он, и Алексею Ивановичу даже чудилась насмешка в его однообразных заученных словах.

Незаметно прошёл день, затем другой и третий.

Алексей Иванович похудел от злобы и ужаса.

За три дня он слышал не раз отчаянные крики, раздававшиеся в других комнатах.

– Что это такое? – спрашивал он у прислужника в маске.

– Это плохие сны, – отвечал тот.

– Что?!

– Это им снятся плохие сны. Им снится, что их бьют, потому что они беспокойны... Вот вам плохие сны не снятся, потому что пока вы ведёте себя приличию, спите ровно...

Алексей Иванович с еле сдерживаемой злобой посмотрел на лукавые губы, видневшиеся из-под маски, и тяжело вздохнул.

Ясно было: он попал в вертеп, но какой-то странный, небывалый.

Прошло ещё несколько дней.

Из комнаты его никуда не выпускали, даже на прогулку, но комната хорошо проветривалась.

Гигиенические условия были вообще прекрасны. Стол тоже. Обращение тоже.

Не было только свободы, и надоедала дикая ложь: человека убеждали, что он спит, когда он великолепно знал, что бодрствует.

– Где Катапульта? – начал спрашивать на третьей неделе заточения Алексей Иванович. – Где этот мерзавец?

– Не говорите так, – спокойно, но внушительно отвечал прислужник в маске, – если вы будете ругаться, вам начнёт сниться, что вас бьют... Эти сны бывают неприятны...

– Я хочу его видеть!

– Вы его увидите, когда проснётесь, через пять месяцев и одну неделю. Катапульта, великий усыпитель, не говорит со спящими.

Глава шестая

Шестой месяц был на исходе.

Многое пережил Алексей Иванович в заточении.

Правда, его не били и не наказывали, ему не «снились плохие сны», потому что он не скандалил; его хорошо кормили, позволяли читать, писать и даже играть на пианино, которое поставили в его комнате, но всё-таки от возмущения он едва не лишился рассудка.

– Когда же придёт Катапульта? – спросил он.

– Завтра, – ответил прислужник. – Послезавтра вы проснётесь, то есть Катапульта воскресит вас.

Назавтра ему в пищу вложили что-то снотворное, и Алексей Иванович спал так крепко, что не слышал, как его увезли из дома, в котором он провёл шесть месяцев, в какую-то дачную незнакомую местность.

Когда он проснулся, около него сидел Катапульта и говорил:

– Поздравляю вас! Вы воскресли!

Алексей Иванович не сдержался и крикнул:

– Ступайте к чёрту! Вы авантюрист и мерзавец!

– Почему? – спокойно и ласково возразил Катапульта. – Вы меня оскорбляете, и я мог бы ответить на оскорбление, но я этого никогда не делаю. Я вас выслушаю и отвечу. В чём дело?

– В чём дело?! И вы ещё спрашиваете – в чём дело?! Вы авантюрист, а не учёный! Где ваше умение прививать летаргию?! Ничего вы не умеете! Вы обманщик! Вы просто продержали меня в заточении шесть месяцев!

– Верно, – спокойно сказал Катапульта, – но я всё-таки излечил вас от ревности. Чувство ревности я вытравил у вас привитым чувством возмущения и жажды свободы, а разве такая прививка не лучше всякой летаргии?

Катапульта рассмеялся и добавил:

– У меня большая клиентура. Многие дураки верят в эту дурацкую летаргию и многих я колпачу. Но всё-таки очень немногие сердятся на меня. Я всех кормлю очень хорошо, по возможности не наказываю, если они ведут себя прилично и, в конце концов, приношу пользу... Ко мне приходят большей частью люди разочарованные, а уходят от меня с жаждой свободы и любовью к жизни. И стоит это всего 25 тысяч... Это правда дёшево... Ну-с, многоуважаемый, вы свободны, идите и помните ваше обязательство: до конца жизни не говорить о моём способе прививки летаргии...

Алексей Иванович с радостью вернулся домой.

На вопросы друзей он врал сначала, что был за границей, потом – так как Катапульта входил в моду – он говорил, что находился в летаргическом сне, а потом вообще стал забывать об этой истории.

Но Курца для советов он больше уже не вызывал.

Граммофон веков

1. Кукс наконец добился цели

Едва ли возможно обстоятельно описать вид изобретателя Кукса и обстановку его рабочего кабинета, когда в это счастливое для него утро к нему пришёл его старый друг Тилибом.

– Что с тобой? – развёл руками Тилибом. – Кукс, посмотри на свои вывороченные ноздри, на поседевшую голову, на красные глаза и дрожащие руки! Взгляни на себя в зеркало! Что с тобой?

– Я счастлив, – закрыв глаза, утонул в улыбке Кукс. – В первый раз в жизни счастлив. Правда, я не спал шестнадцать ночей и совершенно обалдел, но всё-таки счастлив. Ты говоришь, что у меня вывернутые ноздри, – пожалуй, это возможно, так как восемь ночей подряд я нюхал изобретённый мною состав. Но всё-таки сегодня я счастлив.

Желчный Тилибом, лукаво усмехаясь, спросил:

– Не закончил ли ты свой замечательный «Граммофон веков»?

– Ты угадал, Тилибом, – мягко и беззлобно, как всегда, ответил на колкость учёный. – Ты угадал, мой друг! Ты, конечно, не поверишь, но сегодня я всё-таки победитель. Да, «Граммофон веков» закончен. Совершенно закончен.

Тилибом не только не поверил, он искренно пожалел своего друга. Ему слишком надоела сорокалетняя история этого горемычного изобретения. Сорок лет Кукс работал над утверждением теории, что звуки человеческого голоса и вообще всякие звуки запечатлеваются в виде особых невидимых бугорков на всех неодушевлённых предметах, вблизи которых они раздаются. Бугорки эти, по теории Кукса, сохраняются в течение веков, и новые отпечатки звуков ложатся на старые слоями, как наслаиваются пыль, песок и многие вещества в природе.

В доказательство основательности своей теории Кукс обещал изобрести аппарат, который расшифровывал бы наслоения звуков. И этот аппарат – в соединении с усовершенствованным, усложнённым граммофоном – должен был восстановить слова давно умерших людей, миллиарды слов ушедших поколений...

Задача, поставленная себе Куксом, была столь грандиозна и дерзка, что два короля (Кукс начал работу за десять лет до полного и всеобщего социалистического переворота в Европе)

давали ему субсидию, а третьим королём, более нетерпеливым, он был посажен в тюрьму и только по настоянию королевы, отличавшейся добротой, переведён в сумасшедший дом.

Кукс всё-таки не смущался и, освободившись от субсидий, тюрьмы и сумасшедшего дома, продолжал работать над изобретением и, как сможет убедиться читатель, добился-таки своей цели.

«Граммфон веков» был закончен. Кукс не лгал.

2. Изумительное изобретение

По старому лицу Кукса, изрытому годами, трудом и муками гения, продолжала блуждать усталая и счастливая улыбка.

Тилибом стоял неподвижно и чувствовал, что его недоверие тает, как мороженое под весенним солнцем.

В усталой улыбке Кукса было то, что убедительнее фактов и, во всяком случае, слов.

– Покажи же мне аппарат, Кукс, – сдался наконец Тилибом.

Но было поздно: Кукс уснул.

Счастливым изобретатель спал тридцать пять часов и проснулся от собственного крика. Ему снилось, что кто-то ломает и топчет его чудесное изобретение.

Он вскочил с глубокого кресла, в котором спал, протёр глаза и оглянулся: в кабинете никого не было, и аппарат, на создание которого он потратил почти всю жизнь, стоял с невинным, затаённым и равнодушным видом всякой машины.

Кукс вызвал по телефону Тилибома, и друзья приступили к осмотру и пробе чудесного аппарата.

Кукс необычайно оживился, бегал вокруг «Граммфона веков» и обращался к каждому винтику, как к живому существу.

– Ты успокоился, наконец, – погрозил он пальцем какому-то рычажку, похожему на полуоткрытый рот идиота. – Победён, брат, ага! Шестнадцать лет не покорялся, а теперь я тебя завоевал, хе, хе... Теперь ты на своём месте... Да, товарищ, терпение и труд всё перетрут.

На вид «Граммфон веков» был неприятен: он напоминал гигантского паука, перевитого змеями-трубами.

Из боков его, как мёртвые рыбы морды, неподвижно торчали широкие клещевидные рычаги. Всюду жёсткой, небритой щетиной волосатилась чёрная проволока, а у белой маленькой головки – верхушки машины с одним синим стёклышкомглазом – была пристёгнута большая и кривая раковина, похожая на ухо.

– Как тебе нравится? – потирал от удовольствия руки Кукс.

– Ничего, занятная штука, – неопределённо ответил Тилибом.

3. «Граммфон веков» на работе

Щупальца, рычаги и трубы аппарата были приспособлены для укладки в ящик-футляр. В ящике «Граммфон веков» имел вид обыкновенного фотографического аппарата и был весьма удобен для переноски.

– Где начнём? – спросил Кукс.

– Где хочешь. Но испробовать надо основательно. Спешить некуда, денег за это не дадут, патент тоже не нужен. Нужно только представить Академии, а для этого не мешает хорошенько испытать его...

Шутки Тилибома не отличались оригинальностью – денег давно уже не было в употреблении, патентов тоже, и даже остроты на эту тему никого не смешили.

– Да и хорошо, что нет денег, – вздохнул Кукс. – Во всяком случае, лучше, чем получать субсидии от королей и богачей, будь они прокляты, и бывать за это на их празднествах и именинах, толкаться в свите дураков и ничтожеств, поздравлять, улыбаться, унижаться, льстить. Ах, на что ушла моя молодость!.. На какую чепуху!..

– Ну, нечего, нечего, старик! Ближе к делу. Начнём.

– В кабинете я уже всё выслушал. Вплоть до того, что говорили каменщики, когда складывали стены на постройке.

– А что они говорили?

– Судя по темам их бесед, дом этот строился лет за десять до торжества социализма. Прежде всего, они, конечно, сквернословили. Затем двое ссорились из-за партийных разногласий. Потом подрались. Две пощёчины звонко восприняты и отчётливо повторяются машиной. Затем постройка, очевидно, долго оставалась недостроенной и служила бойницей, баррикадой или чем-то в этом роде. Машина оглушительно стреляет, кричит, стонет и плачет на разные лады. Я думаю, что лет пять постройка пустовала, – вероятно, в период революции, гражданских войн и упадка производства, – потом её достроили. С песнями достроили, со смехом, с бодрыми звуками охотного радостного труда... Я слушал звуковую биографию постройки, эту симфонию строящегося дома с огромным интересом... Ну, идём, нам предстоит ещё много интересного.

– Если ты говоришь правду, то поставь аппарат сюда, в твою столовую, я хочу немедленно убедиться. Это слишком уж сказочно, – засуетился Тилибом. – Кабинет ты выслушал, а теперь послушаем столовую.

– Хорошо.

Кукс принёс аппарат, повозился над ним, отошёл, сел и пригласил сесть Тилибома.

«Граммфон веков» задрожал, зашипел и начал...

Слова, десятки, сотни, тысячи слов, нанизывались на тоненький металлический, заунывный, бесконечный стон валика...

Будничные слова, разговоры, восклицания, звуки шагов, хлопанье дверей, смех, плач...

Вдруг особенно громкий детский плач.

– Это моя Надя плачет... – тихо сказал Кукс. – По поводу смерти Мани, моей жены...

А вот голос покойницы... Узнаёшь?..

Тилибом, бледный и взволнованный чудом, встал и слушал с раскрытым ртом. Из раковины машины ровно вылетали слова и фразы: – Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста! Здесь душно. Я открою окно.

– Мой муж так занят.

– Всегда, всегда занят.

– Надя! Надя! Оденься теплей!

Тысячи обыденных слов, фраз. Но оба слушали затаив дыхание.

И вдруг – крепкий, молодой голос молодого Тилибома: – Мария Андреевна, Маня, Манечка, я люблю вас! Так люблю! Я не могу видеть этого старого дурака, вашего мужа, этого сумасшедшего... Как мне жаль вас. Маня, я люблю... тебя...

Тилибом закрыл руками лицо.

Кукс смотрел на пол. Машина продолжала вить нескончаемую ленту из слов, фраз – чётких, беспощадных, страшных и невинных. Разных.

В живой стенографии былого нашлось, между прочим, и такое место: – Кто тут был? Опять этот каналья Тилибом? Как надоела мне его бездарная рожа! Как надоела!

Это говорил Кукс сравнительно недавно...

Пять часов пролетели незаметно. Друзья устали.

Они выслушали многое нелестное о себе, сказанное в разное время устами обоих. Тилибом не раз пытался соблазнить жену друга, но оказалось, что её соблазняли другие друзья...

Но всё это затмили слова людей, раньше живших в доме. И на фоне звуков жизни, горя, радости, смеха и отчаяния маленькими и неважными казались личные обиды или измены.

– Руку! – добродушно улыбнулся Кукс, подойдя к Тилибому. – Видишь, мы стоим друг друга. Но забудем об этом. Всё это минувшее. Двадцать лет живём в царстве социализма, а всё ещё продолжаем быть маленькими, подленькими... Но наши дети уже иные... Твой сын, Тилибом, уже не таков.

– Да, Кукс, мой сын иной, а следующее поколение будет прекрасно. Уже сейчас, всего за двадцать лет, успел измениться облик будущего человека. Нам, Кукс, будет казаться он несколько странным, но это неизбежно. Будущий человек будет наивнее нас, здоровее, крепче, чище, а главное, счастливее, Кукс... счастливее.

– Это не всё и не совсем так, – добавил Кукс. – Новый человек будет умнее нас, несмотря на наивность. Да, друг, просто умнее. Напрасно думаешь, что ты умён с твоим великолепным цинизмом. Цинизм – это величайшая неразборчивость, смешанная с глубочайшим равнодушием, а между тем, то и другое происходит только от бессилия, только от слабости. Новому человеку не для чего быть циником. Он будет умным, великодушным и гордым, потому что будет прежде всего сильным. Посмотри, какие сейчас попадают лица у молодёжи, какие чистые глаза, какие цельные натуры сквозят в них, какие отчётливые черты и чуткие души.

– Да, да, – радовался Тилибом, что неприятный разговор принял столь неожиданный поворот. – Новый человек будет прекрасен. И даже мы, старые псы, от одной близости этого нового человека стали лучше и умнее... Если бы твой проклятый «Граммфон веков» разоблачил нас лет двадцать тому назад, разве мы были бы так спокойны?..

Друзья стояли и смотрели на пол, и глубокие чёрные морщины бороздили их усталые лица. В этих морщинах шёл невидимый и великий процесс. Новая мысль, новая жизнь всплывала старое и искала почвы для новых ростков...

– Кто знает, – задумчиво вздохнул Тилибом, – может быть, для победы над слабостями человека, которые нам казались непобедимыми, вовсе не нужны сотни лет...

– Конечно, гораздо меньше, – согласился Кукс.

4. Люди стремились стать хорошими, но жизнь уже была прекрасна

В 19... году, в десятый год всеевропейского социализма, был проведён закон, по которому не должно было быть ни одной квартиры, ни одного дома, ни одной комнаты без солнца. Тысячи старых сырых тёмных домов были разрушены. К наиболее же крепким приделаны стеклянные крыши и потолки, а в совершенно бессолнечные квартиры и комнаты солнце привлекалось особыми перекидными зеркалами.

И солнце в этом году сияло, как никогда, и, как никогда, освещало и радовало. Город, утопающий в зелени и зеркалах, с аэроплана казался морем света и радости, а внизу давал то же ощущение в ещё более ярких живительных оттенках.

Восход солнца встречали музыкальные гудки и оркестры. В некоторых районах города в фабричных трубах сохранились аппараты, которые первым пытался ввести ещё в 1920 году голодный героический Петербург. В каждой трубе аппарат издавал отдельные мощные ноты, а все трубы вместе оглушительно пели прекрасные песни. Сейчас эти старые аппараты звучали только в некоторых районах. Они имели особых любителей – старых революционеров.

Новое поколение завело – по тому же принципу – оркестры. В каждом доме – жилом или рабочем – была впаяна мощная звуковая гамма, правильно сочетавшаяся с нотами других домов.

И яркая мощная музыка встречала восход солнца, будила трудящихся, провожала их на работу, на обед и домой.

Заводы и фабрики представляли собою уютные гнёзда удобств, располагающих к труду и созиданию.

Город управлялся советами, причём так как советов было много, то участие в них не освобождало от трудовых повинностей. Порядок в городе охраняли по очереди жители районов. Постоянная милиция была упразднена, но потребность в ней всё же сказывалась, и её заменили всеобщим дежурством по районам. Преступность сократилась до неслыханных в истории человечества размеров: в крупных городах за год убивали не больше десятка людей, причём убийства происходили большей частью только на романтической и патологической почве. С каждым годом таких убийств становилось меньше. Суд почти не функционировал. Нечто похожее на суд, но в более мягкой форме, представляли собой организованные с 19... года «Камеры Способностей и Призваний», в которых ежедневно судили людей за вялую непроизводительную работу, доискивались причин ненормального отношения к труду и старались открыть в обвиняемых настоящее их призвание и дать работу по способностям.

Для наиболее отсталых имелись специальные «Мастерские Опытов», в которых ученики пробовали себя на различных поприщах. Вопрос о способностях и призваниях был одним из труднейших вопросов социалистического быта. Ещё в 1919 году в молодой неокрепшей Социалистической Республике России служащих социалистических учреждений опрашивали, к чему они склонны и чем бы хотели заняться. Вопрос этот оказался более сложным, чем можно было предположить, и он не нашёл полного разрешения за первые двадцать лет существования социалистического общества. Довольно значительным группам трудно было найти себя.

Но как помогло им в этом отношении общество?

Одна из следующих глав даст читателю представление о «Камерах Способностей», так как учёный Кукс, прославившийся необычайной любовью к своему делу, был в числе людей, помогавших широко прививать это необходимое для творчества и созидания свойство.

5. Кукс не расстается с «Граммфоном веков», и изобретение становится известным в городе раньше, чем в академии

Кукс сросся с аппаратом. Он не мог расстаться с ним, а Тилибом не отставал.

– Смотри, какая умница, какая прелесть, – восторгался Кукс.

В самом деле, радостно, легко, прекрасно было на улицах, как, впрочем, и в домах, в светлую эпоху второй половины двадцатого века.

По широким тротуарам двигалась масса людей.

Эпоха выработала новый тип человека: горожанин этой эпохи был крепок, сухощав, строен, лёгок. Формы платья отличались простотой. Совершенно не видно было мудрёных визиток и фраков, которые носили в начале бурного столетия и которые делали мужчин похожими на птиц, а женщин, одетых в разноцветные тряпки, – на кукол. Любое сердце, любая душа, любые глаза радовались, глядя на новых мужчин и женщин, на свободные формы костюмов, на радостные лица, чистые глаза, белые, счастливые зубы девушек.

Улицы вдруг залило что-то светлое, яркое, многоголосое, свежее, буйное и прекрасное.

Это были дети... Их было несколько тысяч. Полуголые, смуглые, счастливые, с песнями и смехом они шли за город на прогулку и занятия. На обвитых зеленью и цветами фургонах ехали маленькие, слабые или уставшие. Бодрым, буйным и радостным ветром повеяло от быстрого шествия детей. По дороге шествие разрасталось, так как к детям, жившим отдельно в огромных «Дворцах Детей», присоединились и ночевавшие у своих родителей.

Кукс и Тилибом многое множество раз видели утренние шествия детей, но всякий раз испытывали чувство восторга. Так старый лесной житель, давно привыкший к чудному воздуху, все же с наслаждением вдыхает его полной грудью и находит слова для выражения восторга...

– Хорошо! Как хорошо! – вырывалось поочерёдно то у Тилибома, то у Кукса.

– А всё-таки что было раньше на этой улице? – спросил сам себя, поглядывая на «Граммфон веков», Кукс. – Было ли всегда так?

– Давай послушаем.

Кукс вынул из ящика аппарат, поставил и завёл.

Прохожие сначала мало обращали внимания на двух стариков и машину. Думали, что демонстрируется чья-то странная речь или пьеса. Они не знали происхождения звуков, вылетавших из странной раковины, похожей на ухо.

Несколько подростков окружили аппарат, но мало понимали из того, что слышали.

«Граммфон веков» опять нанизывал на тихий заунывный визг валика тысячи и десятки тысяч слов и звуков.

Всё это было такое обычное, такое повседневное для старой ушедшей жизни...

Кого-то били. Кричали. Ловили вора. Арестовывали.

Крики и брань сменялись возгласами извозчиков и прохожих. Жалкие песни и мольбы нищих часто прерывали обычные звуки уличной жизни. В третий час работы аппарата старики слышали крики убиваемых, насилуемых. Это был какой-то погром...

Постепенно всё-таки аппарат собрал толпу любопытных.

– Какая это пьеса? – спрашивали у Кукса.

Кукс горько усмехнулся: – Это не пьеса, граждане! Это жизнь! Эта жизнь этой улицы. Её биография. Через несколько дней Академия наук примет «Граммфон веков», по его образцу будут сделаны копии, и вы узнаете историю каждого камня, каждой глыбы земли. Граждане, камни – это немые свидетели страшной истории человечества. Но они немые только до поры до

времени. Вам известно выражение, что камни вопиют. Вот они возопили. Слушайте, сколько горя, сколько отчаяния, сколько человеческих слез и человеческой крови знает каждый камень старого мира, и послушайте, как они говорят, камни, когда наука даёт им возможность рассказать всё, что знают.

Люди смотрели на Кукса и слабо понимали его речь. Он говорил долго, искренно и горячо, но его всё-таки не понимали.

Дикие крики рвались из рупора машины, стоны, горькие унижения нищих, столь обычные в своё время, окрики полицейских, унылый гомон подневольно работающих, измученных издёрганных рабов...

Но люди слушали живые жуткие звуки ушедшей жизни и воспринимали их точно в кошмаре.

Старые понимали, но проходили, а молодые только глядели удивлённо, с гримасами боли и отвращения.

6. В «Камере способностей и призваний»

Тилибом сдался окончательно.

– Ты великий человек, Кукс, – сказал он. – Я покорён твоим изобретением. Но знаешь, история человечества страшна. В книгах и даже картинах это производит не такое ужасное впечатление, как в живых звуках. Вчера, когда тебя не было дома, я разрешил себе воспользоваться аппаратом и послушал мою квартиру... У меня на лестнице лежит большой старый щербатый камень... Будь он проклят, но даю слово, что он был плахой, или же я заболел галлюцинациями. Крики. Понимаешь, сплошь крики и стоны замученных, зарубленных, зарезанных... Затем я гулял по саду с аппаратом. И там то же самое... Всюду плач, крики, пощёчины, издевательства, насилия... И только иногда всё это сменяется однообразными словами любви. Редкие однообразные слова любви и избиение – вот главная ось истории людей. Когда об этом читаешь – это одно, но когда слышишь живые голоса, стоны, крики и мольбы, это ужасно, непостижимо, страшно. Ты великий человек, Кукс, если ты смог заставить говорить неодушевлённые предметы.

Кукс поблагодарил за комплимент и сказал: – Всё это хорошо, я только не знаю, какое применение найдёт «Граммофон веков». Видишь, люди не понимают его. В социалистических школах учат больше строительству будущего, чем знакомят с делами прошлого. Очевидно, им некогда особенно ревностно интересоваться старым. Мой аппарат, надо полагать, станет только пособием для историков, а о широком применении придётся забыть.

– Да это и понятно, Кукс! Интерес к больному и скверному прошлому вызывает больное и скверное настоящее, а если настоящее радостно и прекрасно...

– Завтра я сдам аппарат в Академию. А сегодня я ещё проделаю опыт в «Камере Способностей». У меня там занятия сегодня. Хочешь, поедem со мной.

– Поедем.

«Камера Способностей и Призваний» представляла собой зал, занятый особыми аппаратами и приспособлениями. Сюда приходили трудящиеся, недовольные своим трудом, чувствующие равнодушие к своему делу.

Они просили особых специалистов помочь им разобраться в причинах, посоветовать, в крайнем случае, взяться за другое дело и за какое именно. «Камера» была преддверием многих корпусов, объединённых общим названием «Мастерская Опытов».

«Мастерская Опытов» представляла собою изумительное зрелище. Здесь велась разнообразнейшая работа. Результаты бывали порою чудесны: в плохом слесаре обнаруживался талант актёра, в актёре – призвание к консервированию сельдей, а в педагоге – влечение к пчеловодству.

Работа «Камеры» и «Мастерской Опытов» с каждым годом постепенно уменьшалась, так как работу её предупреждали усовершенствованные школы, помогавшие ученикам вовремя разобраться в своих способностях и остановиться на определённой профессии.

Куксу выпало на долю беседовать с высоким хмурым молодым человеком с широко развитой нижней челюстью и глубоко сидящими узкими глазами. Молодой человек был очень силён. О необыкновенной силе его говорили длинные узловатые руки с тяжёлыми выступающими мышцами.

– Садитесь. Чем вы занимаетесь? – спросил Кукс.

– Я – каменщик. Разбиваю в щебень камни.

– Давно занимаетесь этим?

– Четыре года, то есть со времени окончания образования.

– Почему вы тяготитесь своим делом?

– Я грущу во время работы, и это уменьшает производительность моего труда.

– Раньше работа интересовала вас?

– Интересовала.

– Что вы испытывали тогда во время работы?

– Я сначала не мог разбивать крепкие камни и старался научиться этому. Приятно было видеть, как большой камень от двух-трёх ударов моего молота разлетается вдребезги. Затем приятное чувство притупилось. Приходилось развлекать себя как-нибудь во время работы. Мне начинало казаться, что у камней есть лица. Если лицо мне нравилось, я откладывал камень, если нет – разбивал его. Однажды большущий камень мне показался похожим на морду отвратительного пса, и я разбил его в бешенстве. Вообще, я чувствую, что подобная работа возбуждает во мне скверные инстинкты... Самое приятное в моей работе – это когда мне в камне чудится интересное лицо, и я в нём стараюсь высечь черты, нос, глаза... Но тогда моя работа непроизводительна, и я отстаю от товарищей...

– Вы должны заняться скульптурным искусством. Это ясно. Занявшись этим, вы будете чувствовать себя на своём месте.

Каменщик восторженно поблагодарил Кукса и отправился в «Мастерскую Опытов» поступать на скульптурное отделение.

– Вот во что превратился суд в социалистическом обществе, – улыбнулся Кукс Тилибому. – А интересно, что скажут эти молодчики, когда узнают как следует про суд прежний? Тут недалеко есть ветхое старое здание, в котором когда-то был суд. Сейчас в этом здании какой-то музей, и никто не помешает нам выслушать воспоминания его стен, потолков и полов.

Кукс пригласил с собой нескольких посетителей «Камеры» и отправился с ними в музей. «Граммофон веков» заработал более удачно, чем когда-либо.

Кукс и Тилибом сидели точно в оцепенении.

Одна яркая страшная картина суда сменялась другой. Грозные речи прокуроров, показания свидетелей, реплики судей, вопли обвиняемых и осуждённых – всё это было захватывающе жутко.

Как минута, пролетело несколько часов.

Когда Кукс и Тилибом очнулись, они обменялись растерянными взглядами: никого из молодёжи не было.

Им, очевидно, было скучно, и они ушли, занятые собой, своей работой, определением своих способностей, своей здоровой и яркой жадой творчества.

7. Вечер

Торжественно садилось огромное красное солнце.

Трудящиеся давно вернулись с фабрик, мастерских и всяких учреждений. Улицы поливались водой. Над крышами приятными волнами струилась механическая музыка домов.

На высоком здании «Вечерней Кино-газеты» дежурные готовились отпечатать на тёмном небе важнейшие сведения за день. Они ждали захода солнца.

Молодёжь разбрелась по садам и паркам. Весёлый смех заполнил аллеи. Передвижные летучие театры забавляли и развлекали гуляющих. В некоторых местах к артистам присоединялись прохожие, образовывалась толпа, которая разыгрывала тут же экспромтом составленную пьесу. Восторги участников и зрителей сливались в общем ликовании.

Когда небо потемнело, на нём появилось множество сведений за день: отчёт производства, который интересовал всех, потому что производимое принадлежало всем; усовершенствования, применённые за день в различных областях труда, виды и указания на завтрашний день и новости, полученные из других городов и стран.

Желающие могли в сотнях кинематографов наблюдать картины труда за истекшие сутки, жизнь всего города, учреждений и многое другое.

Кто хотел, шёл смотреть жизнь школ и детских колоний, кто – заводов, кто – театров. А были и такие, которых интересовала снятая в течение дня и показанная на экране только жизнь улиц за день.

Играли симфонические оркестры, пели хоры.

Были и «Кварталы Тишины», куда могли уходить желающие полного покоя.

Кукс и Тилибом сидели в саду на крыше огромного дома Кукса. Старики молча читали вечернюю небесную газету и обсуждали, как и все жители города, прочитанное.

– А о моём изобретении пока ни слова, хе, хе... – усмехнулся Кукс.

– На днях прочтём, – утешил друга Тилибом. – Скоро прочтём, и во всех кинематографах замаячит твоя физиономия.

8. Скандал в Академии наук

«Граммфон веков» был наконец испытан, и наступило время сдать его в Академию наук. Не без волнения сделал это Кукс.

В Академии был собран цвет человеческого гения и знаний. По случаю исследования нового изобретения были приглашены представители всех крупных академий наук Европы.

Целую неделю испытывали «Граммфон веков».

Испытание изумительного аппарата вызвало, к сожалению, два несчастья. Один из учёных, творец «Новой этики», присутствовал при том, как аппарат работал в саду, под старым дубом.

Оказалось, что когда-то под этим дубом расстреливали человека, и поистине ужасна была мольба обречённого: – Стреляйте, только не в лицо!

Эта просьба кем-то неизвестно когда убиваемого человека произвела столь удручающее впечатление, что чуткий создатель «Новой этики» начал биться головой о землю и, как выяснилось дальнейшее его поведение, сошёл с ума.

Второе несчастье было не менее трагично.

Когда аппарат в другом саду начал с беспощадной яркостью воспроизводить сцену истязания мужика помещиком и сад огласился жуткими воплями истязуемого, присутствовавший среди учёных старый революционер вдруг бросился к аппарату, повалил его и начал топтать ногами.

В общем шуме даже не слышно было, что при этом выкрикивал возмущённый революционер.

Кукс лежал в глубоком обмороке.

Когда он очнулся и несколько успокоился, его пригласили на собрание учёных.

Усталый, разбитый, пошёл он в зал, ожидая выражения сочувствия и думая о том, можно ли исправить аппарат.

Но к изумлению своему, Кукс сочувствия ни от кого не получил и никто даже не протестовал против порчи аппарата.

– Ваше изобретение, гражданин, – сказали ему, – велико, но, к сожалению, оно совершенно бесполезно. Пусть будет навеки проклят старый мир! Нам не нужны его стоны, нам не нужны его ужасы. Мы не хотим слушать его жутких голосов. Будь он проклят навеки! Кукс, посмотрите в окно! Сегодня праздник. Смотрите на наших детей, слушайте их голоса – здоровые, счастливые, слушайте, скажите, не кошунство ли слушать одновременно этот ужас, каким вопиет ваша дьявольская машина? Вы гениальны, Кукс, но во имя новой радостной жизни пожертвуйте своим гением. Не мучайте нас. Мы не хотим знать и слушать о старом мире, от которого ушли навсегда.

Кукс хотел возразить, что он не согласен, что он видит даже сейчас многие несовершенства, которые можно было бы устранить именно действием его машины, но он устал, возражал слабо, и его не слушали.

9. Печальная судьба «Граммодона веков»

Кукс взял изувеченный аппарат и побрёл домой. Дома ждал его Тилибом.

Кукс рассказал ему о пережитом. Тилибом выслушал и произнёс:

– А ведь они правы. Кукс! Знаешь, с тех пор как я ознакомился с работой «Граммодона веков», я потерял покой. Я обалдел. Я грущу. Я часто плачу. Я начал сомневаться в тебе, в твоей дружбе. Я тебе не рассказывал, но я завёл аппарат в моей квартире и услышал немало гадостей, которые ты изволил говорить у меня дома в моём отсутствии.

– А скажи, пожалуйста, разве ты не пытался соблазнить мою покойную жену, Маню?

– Да, да. Мы стоим, конечно, друг друга. Старый мир с его лицемерием, ложью, предательством и гнусностью ещё не окончательно вытравился из наших душ, но не надо освежать его в нашей памяти.

Кукс молчал.

– И помимо личной мерзости, – продолжал Тилибом, – в ушах моих постоянно звучат стоны, крики, проклятия и ругань, которыми был переполнен старый мир и о которых вопиет при помощи твоей адской машины каждый камень, каждый клочок штукатурки, каждый неодушевлённый предмет. О, я счастлив, что «Граммодона веков» уже нет. Я прямо счастлив.

Кукс молчал.

Когда Тилибом ушёл, он лёг на диван в кабинете и предался размышлениям.

Изувеченный «Граммодон веков» лежал на полу. По инерции в нём двигались какие-то валики и сами собой вылетали нахватанные в разное время слова и фразы.

Старый мир дышал в машине последним дыханием, выругивался и высказывался унылыми, обыденными словами своей жестокости, тоски, банальности и скуки.

– В морду! – глухо вырывалось из машины.

– Молчать!

– А, здравствуйте, сколько зим, сколько лет!..

– Не приставайте! Нет мелочи. Бог даст.

– Аи, аи, тятенька, не бей, больше не буду!

– Сволочь!.. Мерзавец! Меррз... Работай, скотина!

– Молчать!

– Застрелю, как собаку!

– Я вас люблю, Линочка... Я вас обожаю...

– Человек, получи на чай!

И так далее, и так далее.

Бессвязные слова и фразы, но одинаково жуткие, на всех языках вылетали из испорченной машины, и Кукс вдруг вскочил и начал добивать машину и топтать её ногами, как тот революционер в Академии.

Затем остановился, поскрёб лысое темя и тихо произнёс:

– Да. Пусть сгинет старое! Не надо... Не надо...

Рассказ об Аке и человечестве

1. Были расклеены плакаты

Дома и улицы имели обыкновенный вид. И небо с вековым своим однообразием буднично голубело над ними. И серые маски камней на мостовых были, как всегда, непроницаемы и равнодушны, когда очумелые люди, с лиц которых стекали слёзы в ведёрки с клейстером, расклеивали эти плакаты.

Их текст был прост, беспощаден и неотвратим.

Вот он:

«Всем без исключения.

Проверка прав на жизнь жителей города производится порайонно, специальными комиссиями в составе трёх членов Коллегии Высшей Решимости. Медицинское и духовное исследования происходят там же. Жители, признанные *не нужными* для жизни, – обязуются уйти из неё в течение двадцати четырёх часов. В течение этого срока разрешается апеллировать. Апелляции в письменной форме передаются Президиуму Коллегии Высшей Решимости. Ответ следует не позже, чем через три часа. Над ненужными людьми, не могущими по слабости воли или вследствие любви к жизни уйти из неё, приговор Коллегии Высшей Решимости приводят в исполнение их друзья, соседи или специальные вооружённые отряды.

Примечания. 1. Жители города обязаны с полной покорностью подчиняться действиям и постановлениям членов Коллегии Высшей Решимости. На все вопросы должны даваться совершенно правдивые ответы. О каждом ненужном человеке составляется протокол-характеристика.

2. Настоящее постановление будет проведено с неуклонной твёрдостью. Человеческий хлам, мешающий переустройству жизни на началах справедливости и счастья, должен быть безжалостно уничтожен. Настоящее постановление касается всех без исключения граждан – мужчин, женщин, богатых и бедных.

3. Выезд из города кому бы то ни было на всё время работ по проверке права на жизнь безусловно воспрещается».

2. Первые волны тревоги

- Вы читали?
- Вы читали?!
- Вы читали?!
- Вы читали?! Вы читали?!
- Вы видели?! Слышали?!
- Читали???!?!!

Во многих частях города стали собираться толпы. Городское движение тормозилось и ослабевало. Прохожие от внезапной слабости прислонялись к стенам домов. Многие плакали. Были обмороки. К вечеру количество их достигло огромной цифры.

- Вы читали?!
- Какой ужас! Это неслыханно и страшно.
- Но ведь мы же сами выбрали Коллегию Высшей Решимости. Мы сами дали ей высшие полномочия.

- Да. Это верно.
- Мы сами виноваты в чудовищной оплошности!
- Да. Это верно. Мы сами виноваты. Но ведь мы хотели создать лучшую жизнь. Кто же знал, что Коллегия так просто и страшно подойдёт к этому вопросу!
- Но какие имена вошли в состав Коллегии! Ах, какие имена!
- Откуда вы знаете? Разве уже опубликован список всех членов Коллегии?
- Мне сообщил один знакомый. Председателем выбран Ак!
- О! Что вы говорите! Ак? О, какое счастье!
- Да. Да. Это факт.
- Какое счастье! Ведь это светлая личность!
- О, конечно! Мы можем не беспокоиться – уйдёт из жизни только действительно человеческий хлам. Несправедливостям не будет места.

– Скажите, пожалуйста, дорогой гражданин, как вы думаете – я буду оставлен в живых? Я – очень хороший человек. Знаете, однажды во время крушения корабля двадцать пассажиров спасались на лодке. Но лодка не выдержала чрезмерного груза, и гибель грозила всем. Для спасения пятнадцати – пятерым пришлось броситься в море. Я был в числе этих пяти. Я бросился добровольно. Не смотрите на меня недоверчиво. Теперь я стар и слаб. Но тогда я был молод и смел. Разве вы не слышали об этом случае? О нём писали все газеты. Четверо моих товарищей погибло. Меня же спасла случайность. Как вы думаете, меня оставят в живых?

– А меня, гражданин? А меня? Я роздал бедным всё своё имущество и капиталы. Это было давно. У меня есть документы.

- Не знаю, право. Всё зависит от точки зрения и целей Коллегии Высшей Решимости.
- Позвольте вам сообщить, уважаемые граждане, что примитивная полезность ближним ещё не оправдывает существования человека на земле. Этак – всякая тупая нянька имеет право на существование. Это – старо. Как вы отстали!

- А в чём же ценность человека?
- В чём же ценность человека?
- Не знаю.

- Ах, вы не знаете! Зачем же вы лезете с объяснениями, если вы не знаете!
- Простите. Я объясняю, как умею.

– Граждане! Граждане! Смотрите! Смотрите! Люди бегут! Какое смятение! Какая паника!

- О, сердце моё, сердце моё... А-а-а!.. Спасайтесь! Спасайтесь!

- Стойте! Остановитесь!
- Не увеличивайте паники!!
- Стойте!

3. Бежали

Бежали по улицам толпы. Бежали краснощёкие молодые мужчины с беспредельным ужасом на лицах. Скромные служащие контор и учреждений. Женихи в чистых манжетах. Хорошие певцы из любительских союзов. Франты. Рассказчики анекдотов. Биллиардисты. Вечерние посетители кинематографов. Карьеристы, пакостники, жулики с белыми лбами и курчавыми волосами. Потные добряки-развратники. Лихие пьяницы. Весельчаки, хулиганы, красавцы, мечтатели, любовники, велосипедисты. Широкоплечие спорщики от нечего делать, говоруны, обманщики, длинноволосые лицемеры, грустящие ничтожества с чёрными печальными глазами, за печалью которых лежала прикрытая молодостью холодная пустота. Молодые скряги с полными улыбающимися губами, беспричинные авантюристы, пенкосниматели, скандалисты, добрые неудачники, умные злодеи.

Бежали толстые женщины, многоедящие, ленивые. Худые злюки, требовательные и надоедливые, скучающие, самки, жёны дураков и умниц, сплетницы, изменницы, завистливые и жадные, сейчас одинаково обезображенные страхом. Гордые дуры, добрые ничтожества, от скуки красящие волосы, равнодушные развратницы, одинокие, беспомощные, наглые, просящие, умоляющие, потерявшие от ужаса всёприкрывающее изящество форм.

Бежали корявые старики, толстяки, низкорослые, высокие, красивые и уродливые.

Управляющие домами, ломбардные оценщики, железоторговцы, плотники, мастера, тюремщики, бакалейщики, любезные содержатели публичных домов, седоволосые осанистые лакеи, почтенные отцы семейств, округляющиеся от обманов и подлости, маститые шулера и тучные мерзавцы.

Бежали густой, стремительной, твёрдой и жёсткой массой. Пуды тряпья окутывали их тела и конечности. Горячий пар бил изо ртов. Брань и вопли оглашали притаившееся равнодушие брошенных зданий.

Многие бежали с имуществом. Тащили скрюченными пальцами подушки, коробки, ящики. Хватали драгоценности, детей, деньги, кричали, возвращались, вздымали в ужасе руки и опять бежали.

Но их вернули. Всех. Такие же, как они, стреляли в этих, забегали вперёд, били палками, кулаками, камнями, кусались и кричали страшным криком, и толпы бросались назад, оставляя убитых и раненых.

К вечеру город принял обычный вид. Трепещущие тела людей вернулись в квартиры и бросились на кровати. В тесных горячих черепках отчаянно билась короткая и острая надежда.

4. Процедура была проста

- Ваша фамилия?
- Босс.
- Сколько лет?
- Тридцать девять.
- Чем занимаетесь?
- Набиваю гильзы табаком.
- Говорите правду!
- Я говорю правду. Четырнадцать лет я честно работаю и содержу семью.
- Где ваша семья?
- Вот она. Это моя жена. А вот это сын.
- Доктор, осмотрите семью Босс.
- Слушаюсь.
- Ну, каковы?
- Гражданин Босс малокровен. Общее состояние среднее. Жена страдает головными болями и ревматизмом. Мальчик здоров.
- Хорошо. Вы свободны, доктор. Гражданин Босс, каковы ваши удовольствия? Что вы любите?
- Я люблю людей и вообще жизнь.
- Точнее, гражданин Босс. Нам некогда.
- Я люблю?.. Ну, что я люблю... Я люблю моего сына... Он так хорошо играет на скрипке... Я люблю поесть, хотя, право, я не обжора... Я люблю женщин. Приятно смотреть, как по улице проходят красивые женщины и девушки... Я люблю вечером, когда устаю, отдыхать... Я люблю набивать гильзы... Могу – пятьсот штук в час... И ещё многое я люблю... Я люблю жизнь...
- Успокойтесь, гражданин Босс. Перестаньте плакать. Ваше слово, психолог.
- Чепуха, коллега. Сор. Самые заурядные существа. Бедное существование. Темперамент полуфлегматический, полусангвинический. Активность слабая. Класс последний. Надежд на улучшение нет. Пассивность 75 %. Мадам Босс ещё ниже. Мальчик пошляк, но, может быть... Сколько лет вашему сыну, гражданин Босс? Перестаньте плакать.
- 13 лет...
- Не беспокойтесь. Сын ваш пока останется. Отсрочка на пять лет. А вы... Впрочем, это не моё дело. Решайте, коллега.
- Именем Коллегии Высшей Решимости, в целях очищения жизни от лишнего человеческого хлама, безразличных существ, замедляющих прогресс, приказываю вам, гражданин Босс, и вашей жене оставить жизнь в 24 часа. Тише! Не кричите! Санитар, успокойте женщину. Позовите стражу. Они вряд ли обойдутся без её помощи.

5. Характеристики ненужных сохранились в сером шкафу

Серый Шкаф стоял в коридоре, в главном управлении Коллегии Высшей Решимости. У него был обыкновенный солидный, задумчиво-глуповатый вид, как у всех шкафов. Он не имел ни в ширину, ни в вышину трёх аршин, но был могилой нескольких десятков тысяч жизней. На нём красовались две коротеньких надписи:

– «Каталог ненужных».

И:

– «Характеристики-протоколы».

В каталоге было много отделов и, между прочим, такие:

– «Воспринимающие впечатления, но не разбирающиеся».

– «Мелкие последователи».

– «Пассивные».

– «Без центров».

И так далее.

Характеристики были кратки, объективны. Впрочем, иногда попадались и резкие выражения, и тогда на обороте неизменно алел красный карандаш председателя Коллегии Ака, отмечавший, что бранить ненужных не следует.

Вот несколько характеристик:

Ненужный № 14741

Здоровье среднее. Ходит к знакомым, не будучи нужен или интересен им. Даёт советы. В расцвете сил соблазнил какую-то девушку и бросил её. Самым крупным событием в жизни считает приобретение мебели для своей квартиры после женитьбы. Мозг вялый, рыхлый. Работоспособности нет. На требование рассказать самое интересное, что он знает о жизни, что ему пришлось видеть – он рассказал о ресторане «Квиссисана» в Париже. Существо простейшее. Разряд низших обывателей. Сердце слабое. – В 24 часа.

Ненужный № 14623

Работает в бондарной мастерской. Класс – посредственный. Любви к делу нет. Мысль во всех областях идёт по пути наименьшего сопротивления. Физически здоров, но душевно болен болезнью простейших: боится жизни. Боится свободы.

По праздникам, когда свободен, одурманивается алкоголем. Во время революции проявлял энергию: носил красный бант, закупал картофель и всё, что можно было: боялся, что не хватит. Гордился рабочим происхождением. Активного участия в революции не принимал, боялся. Любит сметану. Бьёт детей. Темп жизни ровно-унылый. – В 24 часа.

Ненужный № 15201

Знает восемь языков, но говорит то, что скучно слушать и на одном. Любит мудрёные запонки и зажигалки. Очень самоуверен.

Самоуверенность черпает из знания языков. Требует уважения. Сплетничает. К живой настоящей жизни по-волосьи равнодушен.

Боится нищих. Сладок в обращении из трусости. Любит убивать мух и других насекомых. Радость испытывает редко. – В 24 часа.

Ненужная № 4356

Кричит на прислугу от скуки. Тайно съедает пенку от молока и первый жирный слой бульона. Читает бульварные романы.

Валяется по целым дням на кушетке. Самая глубокая мечта: сшить платье с жёлтыми рукавами и оттопыренными боками. Двенадцать лет её любил талантливый изобретатель. Она не знала, чем он занимается, и думала, что он электротехник.

Бросила его и вышла замуж за кожевенного торговца. Детей не имеет. Часто беспричинно капризничает и плачет. По ночам просыпается, велит ставить самовар, пьёт чай и ест. Ненужное существование. – В 24 часа.

6. За работой

Вокруг Ака и Коллегии Высшей Решимости образовалась толпа служащих-специалистов. Это были доктора, психологи, наблюдатели и писатели. Все они необычайно быстро работали. Бывали случаи, когда в какой-нибудь час несколько специалистов отправляли на тот свет добрую сотню людей. И в Серый Шкаф летела сотня характеристик, в которых чёткость выражений соперничала с беспредельной самоуверенностью их авторов.

В главном управлении с утра до вечера кипела работа. Уходили и приходили квартирные комиссии, уходили и приходили отряды исполнителей приговоров, а за столами, как в огромной редакции, десятки людей сидели и писали быстрыми, твёрдыми, неразмышляющими руками.

Ак же смотрел на всё это узкими, крепкими, непроницаемыми глазами и думал одному ему понятную думу, от которой горбилось тело и всё больше и больше седела его большая, буйная, упрямая голова.

Что-то нарастало между ним и его служащими, что-то стало как будто между его напряжённой, бессонной мыслью и слепыми неразмышляющими руками исполнителей.

7. Сомнения Ака

Как-то члены Коллегии Высшей Решимости пришли в управление, намереваясь сделать Аку очередной доклад.

Ака на обычном месте не оказалось. Искали его и не нашли. Посылали, звонили по телефону и тоже не нашли.

Только через два часа случайно обнаружили в Сером Шкафу.

Ак сидел в Шкафу на могильных бумагах убитых людей и с небывалым, даже для него, напряжением думал.

– Что вы тут делаете? – спросили Ака.

– Вы видите, я думаю, – устало ответил Ак.

– Но почему же в Шкафу?

– Это самое подходящее место. Я думаю о людях, а думать о людях плодотворно можно непосредственно на актах их уничтожения. Только сидя на документах уничтожения человека можно изучать его чрезвычайно странную жизнь.

Кто-то плоско и пусто засмеялся.

– А вы не смейтесь, – насторожился Ак, взмахнул чьей-то характеристикой, – не смейтесь. Кажется, Коллегия Высшей Решимости переживает кризис. Изучение погибших людей навело меня на искание новых путей к прогрессу. Вы все научились кратко и ядовито доказывать ненужность того или иного существования. Даже самые бездарные из вас в нескольких фразах убедительно доказывают это. И я вот сижу и думаю о том, правилен ли наш путь?

Ак опять задумался, затем горько вздохнул и тихо произнёс:

– Что делать? Где выход? Когда изучаешь живых людей, то приходишь к выводу, что три четверти из них надо вырезать, а когда изучаешь зарезанных, то не знаешь: не следовало ли любить их и жалеть? Вот где, по-моему, тупик человеческого вопроса, трагический тупик человеческой истории.

Ак скорбно умолк и зарылся в гору характеристик мертвецов, болезненно вчитываясь в их протоально-жуткую немногословность.

Члены Коллегии отошли. Никто не возражал. Во-первых, потому, что возражать Аку было бесполезно. Во-вторых, потому, что возражать ему не смели. Но все чувствовали, что назревает новое решение, и почти все были недовольны: налаженное дело, ясное и определённое, очевидно, придётся менять на другое. И на какое?

Что ещё выдумает этот выживший из ума человек, у которого была над городом такая неслыханная власть?

8. Кризис

Ак исчез.

Он всегда исчезал, когда впадал в раздумье. Его искали всюду и не находили. Кто-то говорил, что Ак сидит за городом на дереве и плачет. Затем говорили, что Ак бегает в своём саду на четвереньках и грызёт землю.

Деятельность Коллегии Высшей Решимости ослабела. С исчезновением Ака что-то не клеилось в её работе. Обыватели надевали на двери своих квартир железные засовы и попросту не пускали к себе проверочные комиссии. В некоторых районах на вопросы членов Коллегии о праве на жизнь отвечали хохотом, а были и такие случаи, когда ненужные люди хватили членов Коллегии Высшей Решимости и проверяли у них право на жизнь и издевательски писали характеристики-протоколы, мало отличающиеся от тех, которые хранились в Сером Шкафу.

В городе начался хаос. Ненужные, ничтожные люди, которых ещё не успели умертвить, до того обнаглели, что стали свободно появляться на улицах, начали ходить друг к другу в гости, веселиться, предаваться всяким развлечениям и даже вступать в брак. На улицах поздравляли друг друга:

– Кончено! Кончено! Ура!

– Проверка права на жизнь прекратилась.

– Не находите ли вы, гражданин, что приятней стало жить? Меньше стало человеческого хлама! Даже дышать стало легче.

– Как вам не стыдно, гражданин! Вы думаете, что ушли из жизни только те, кто не имел права на жизнь? О! Я знаю таких, которые не имеют права жить даже один час, а они живут и будут жить годами, а, с другой стороны, сколько погибло достойнейших личностей! О, если бы вы знали!

– Это ничего не значит. Ошибки неизбежны. Скажите, вы не знаете, где Ак?

– Не знаю.

– Ак сидит за городом на дереве и плачет.

– Ак бегает на четвереньках и грызёт землю.

– И пускай плачет!

– Пускай грызёт землю!

– Рано радуетесь, граждане! Рано! Ак сегодня вечером возвращается, и Коллегия Высшей Решимости опять начнёт работать.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю! Хлама человеческого ещё слишком много осталось. Надо ещё чистить, и чистить, и чистить!

– Вы очень жестоки, гражданин!

– Наплевать!

– Граждане! Граждане! Смотрите! Смотрите!

– Расклеивают новые плакаты.

– Смотрите!

– Граждане! Какая радость! Какое счастье!

– Граждане, читайте!

– Читайте!

– Читайте! Читайте!

– Читайте!!!

9. Были расклеены плакаты

По улицам бежали запыхавшиеся люди с ведёрками, полными клейстеру. Пачки огромных розовых плакатов с радостным трескучим шелестом разворачивались и прилипали к стенам домов. Их текст был отчётлив, ясен и так прост.

Вот он:

«Всем без исключения.

С момента опубликования настоящего объявления всем гражданам города разрешается жить. Живите, плодитесь и наполняйте землю. Коллегия Высшей Решимости выполнила свои суровые обязанности и переименовывается в "Коллегию Высшей Деликатности". Вы все прекрасны, граждане, и права ваши на жизнь неоспоримы.

Коллегия Высшей Деликатности вменяет в обязанность особым комиссиям в составе трёх членов обходить ежедневно квартиры, поздравлять их обитателей с фактом существования и записывать в особых "Радостных протоколах" – свои наблюдения.

Члены комиссии имеют право опрашивать граждан, как они поживают, и граждане могут, если желают, отвечать подробно. Последнее даже желательно. Радостные наблюдения будут сохранены в Розовом Шкафу для потомства».

10. Жизнь стала нормальной

Открылись двери, окна, балконы. Громкие человеческие голоса, смех, пение и музыка вырывались из них. Толстые неспособные девушки учились играть на пианино. С утра до ночи рычали граммофоны. Играли также на скрипках, кларнетах и гитарах. Мужчины по вечерам снимали пиджаки, сидели на балконах, растопырив ноги, и икали от удовольствия. Городское движение необычайно усилилось. Мчались на извозчиках и автомобилях молодые люди с дамами. Никто не боялся появляться на улице. В кондитерских и лавочках сластей продавали пирожные и прохладительные напитки. В галантерейных магазинах шла усиленная продажа зеркал. Люди покупали зеркала и с удовольствием смотрелись в них. Художники и фотографы получали заказы на портреты. Портреты вставлялись в рамы, и ими украшали стены квартир. Из-за таких портретов даже случилось убийство, о котором много писали в газетах. Какой-то молодой человек, снимавший в чьей-то квартире комнату, потребовал, чтобы из его комнаты были убраны портреты родителей квартирохозяев. Хозяева обиделись и убили молодого человека, выбросив его на улицу с пятого этажа.

Чувство собственного достоинства и себялюбие вообще сильно развились. Стали обычным явлением всякие столкновения и дразги. В этих случаях, наряду с обычной бранью, донимали друг друга и таким, ставшим трафаретным, диалогом:

– Вы, видно, по ошибке живёте на свете? Как видно, Коллегия Высшей Решимости весьма слабо работала...

– Очень даже слабо, если остался такой субъект, как вы...

Но, в общем, дразги были незаметны в нормальном течении. Люди улучшали стол, варили варенье. Сильно увеличился спрос на тёплое вязаное бельё, так как все очень дорожили своим здоровьем.

Члены Коллегии Высшей Деликатности аккуратно обходили квартиры и опрашивали обывателей, как они поживают.

Многие отвечали, что хорошо, и даже заставляли убеждаться в этом.

– Вот, – говорили они, самодовольно усмехаясь и потирая руки, – солим огурчики, хе-хе... И маринованные селёдки есть... Недавно взвешивался, полпуда прибавилось веса, слава Богу...

Другие жаловались на неудобства и сетовали, что мало работала Коллегия Высшей Решимости:

– Понимаете, еду я вчера в трамвае и – представьте себе! – нет свободного места... Безобразие какое! Пришлось стоять и мне и моей супруге! Много ещё осталось лишнего народа. Толкутся всюду, толкутся, а чего толкутся – так чёрт их знает! Напрасно не убрали в своё время...

Третьи возмущались:

– Имейте в виду, что в четверг и в среду меня никто не поздравлял с фактом существования! Это нахальство! Что же это такое?! Может быть, мне к вам ходить за поздравлением, что ли?!

11. Конец рассказа

В канцелярии Ака, как и раньше, кипела работа: сидели люди и писали. Розовый Шкаф был полон радостными протоколами и наблюдениями. Подробно и тщательно описывались именины, свадьбы, гулянья, обеды и ужины, любовные истории, всякие приключения, и многие протоколы приобрели характер и вид повестей и романов.

Жители просили членов Коллегии Высшей Деликатности выпускать их в виде книг, и этими книгами зачитывались.

Ак молчал.

Он только ещё более сгорбился и более поседел.

Иногда он забирался в Розовый Шкаф и подолгу сидел в нём, как раньше сживал в Сером Шкафу.

А однажды Ак выскочил из Розового Шкафа с криком:

– Резать надо! Резать! Резать! Резать!

Но увидев белые, быстро бегущие по бумаге руки своих служащих, которые теперь столь же ревностно описывали живых обывателей, как раньше мёртвых, махнул рукой, выбежал из канцелярии – и исчез.

Исчез навсегда.

Было много легенд об исчезновении Ака, всякие передавались слухи, но Ак так и не нашёлся.

И люди, которых так много в том городе, которых сначала резал Ак, а потом пожалел, а потом опять хотел резать, люди, среди которых есть и настоящие, и прекрасные, и много хлама людского – до сих пор продолжают жить так, точно никакого Ака никогда не было и никто никогда не поднимал великого вопроса о праве на жизнь.

1919

Мастерская человекoв

Предисловие первое

Да здравствует литература! Да здравствует вымысел!

Он один приблизит нас к будущему!

Он один – реальный, дедуктивный, художественный, весёлый – уведет нас от прошлого!

«Мастерская человекoв» – опыт реалистического вымысла, – вымысла, основанного на реальном.

«Мастерская человекoв» – опыт аналитической сатиры, сатиры, борющейся не только смехом, но и анализом.

Для чего это?

Какова установка «Мастерской человекoв»? Чего хочет автор?

Он хочет: увидеть нового человека, представить себе его, вообразить его, присутствовать при его родах, суетиться в его ожидании.

Нового общественного человека создаст коммунизм.

Он придёт вместе с новыми производственными отношениями.

Автор «Мастерской человекoв» хочет: угадать его, увидеть хотя бы его контуры, почувствовать его дыхание, услышать его первые шаги. Он хочет: окончательно скомпрометировать всё, решительно всё, что может помешать родиться, расти и развиваться новому человеку!

Новый человек рождается не просто.

Новый человек рождается в грязи, в крови, в слезах, в резкой смене температур.

Трудны роды нового человека!

Автор «Мастерской человекoв» хочет: быть одной из повивальных бабок при этом великом, остром, серьёзном, очень болезненном и трудном, но в то же время и радостном и весёлом – самом занимательном из всего, что происходит на земле, – процессе!

Он хочет помочь этому процессу!

Он хочет стоять с остро отточенными щипцами сатиры в руках.

Ведь надо
всеми мерами,
всеми силами,
всеми средствами

вытянуть нового человека
из тёмной утробы старого мира!
Читатель!
Перед вами пройдёт много материала
для
серьёзных,
важных,
активных,
острых
дум о человеке.
Дум о том,
из чего состоит человек и как идёт процесс его переделки.
Дать этот материал
возможно шире,
возможно обильнее
задача автора.

Предисловие второе

Два вопроса – в числе многих – никак пока ещё не разрешены человечеством. Это, во-первых, вопрос о том, как изобретателю приходит в голову счастливая идея изобретения. И, во-вторых, почему самые простые изобретения и открытия приходят чёрт знает с каким опозданием.

Вообще, это совершенно неисследованная область, полная невероятной мути и всевозможных сюрпризов.

В самом деле, нельзя даже приблизительно учесть обстоятельств, родивших то или иное великое открытие или изобретение!

Давно известно, что изобретателей считают обычно большими чудаками и даже с придурью. Действительно, пути их мысли совершенно непонятны. Даже строгая последовательность часто строится на неизвестно откуда взявшихся предпосылках.

В этих предпосылках, то есть во внезапно неизвестно откуда возникающей идее, и весь вопрос. В специальных журналах, посвящённых изобретательству, можно прочесть много непостижимых историй о том, что кому и как приходит в голову! Вы можете, например, прочесть о том, что, скажем, учитель – только потому, что он опоздал на поезд и вынужден был с тоской рассматривать пустые рельсы около пустынного перрона, – придумал вдруг новые гайки, новый тормоз или что-либо другое, что является кладом для железнодорожного дела, к которому, однако, учитель не имел никакого отношения, точно так же, как и к физике и металлотехнике.

Или – история изобретения железобетона. Разве она не поразительна?

Как известно, железобетон изобрёл французский садовник Монье. У него была длинная возня с кадками для цветов. Не выходило у него с кадками! Ах, эти кадки! Деревянные не выдерживали большого количества земли, необходимой для крупных растений. Кроме того, они быстро гнили, и старик делал кадки из цемента. Но цементные были тяжелы, громоздки, их стенки были нелепо толсты – тут надо было что-то придумать. И он неплохо придумал: он сделал каркас из железных прутьев и залил его цементом... Вот хорошо! Теперь кадки будут и тонки и прочны!

Вот вам и кадки... А подумал ли садовник о том, что это соединение цемента с железом даст такой толчок развитию человечества, который даже учесть нельзя, так он велик?

Мы уверены, что он не подумал. Нет, наверное, не подумал. Он тёр свой красный, или фиолетовый, или розовый нос и ни о чём не догадывался.

Затем ещё вопрос. Думает ли изобретатель о благе человечества? Этим ли ценным устремлением руководится он, изобретая?

Трудно сказать. Говорят, что газы, как средство военной обороны, выдумал педантичный немецкий профессор только потому, что злая прислуга, которой он не мог отказать по невыясненным причинам, жаря котлеты, устраивала такой угарный смрад, что старик, в чём попало, бежал в соседний сквер и тут выдумал не на радость, а на гибель людям кошмарное своё изобретение.

Он просто собирался, делая свои опыты, отравить прислугу усовершенствованным светильным газом, для чего два раза открывал газ в ванной, но, к сожалению, прислуга спаслась и, говорят, продолжает жить в Берлине, переменив только район.

Или, вот, пример совершенно ничтожного изобретения. О нём – тоже в Берлине – в одно ноябрьское утро кричал на улице чрезвычайно потёртый человек в засаленной шляпе.

Это утро было очень холодное. С неба падала невероятная мокрая гнусность. Благоразумные люди были, конечно, дома. Ходили только те, чьи дела были неотложны. А этот изобретатель стоял на Фридрихштрассе и, выпуская изо рта огромные клубы пара, орал о своём

изобретении. Около него останавливались, конечно, не только из жалости, а из этого ненасытного интереса людей к изобретательству. Люди внимательно вслушивались в его крики. О чём же он кричал? Чего он хотел?

Оказывается, он продавал мазь, которую – подумайте только! – можно смазать в ванной комнате или в бане зеркало, и зеркало не будет покрываться паром... Удивительный человек! Как это ему пришло в голову?

Как он додумался до этого? Собрал ли он какие-нибудь наблюдения? Почему его так беспокоило то, что, принимая горячую ванну или моясь в бане, люди не смогут несколько минут видеть своего отражения в зеркале? Подумаешь, какое несчастье!..

И вот этот полуголодный изобретатель, с красной, опухшей от холода и от непрерывного крика физиономией, орёт на улице об этой мази! Что можно сказать по такому поводу?

Конечно, он хотел заработать – возможно быстрее и лучше, – он рассчитал, что человек, находящийся в бане, захочет видеть себя во всей красе.

Он преувеличил, бедняга, степень интереса людей к самим себе!

Его мазь покупали очень мало. Но не в этом дело.

Важно то, что глаза изобретателя горели, как они горят у всех изобретателей, хотя на его изобретении особенно останавливаться не стоит. В самом деле, что такое мазь для банного зеркала! Чепуха!

Открытие, лёгшее в основу нашего романа, – совсем другого порядка. Оно относится к числу открытий и изобретений, которые делают эпоху в жизни человечества. Даже больше, которые производят коренной переворот в истории. Это вам не мазь для банного зеркала.

Об открытии, лёгшем в основу нашего романа, вы прочтёте тысячи книг. Оно открывает новую эру.

Это ничего, что оно опоздало на многие и многие тысячелетия.

Все великие открытия и изобретения так опаздывают. Что же делать, когда до самых простых вещей, которые ясны любому ребёнку, человечество додумывается после тысячелетий, потратив понапрасну неисчислимое количество усилий и заливая горький опыт морями собственной крови.

Например, как воевали? Подумайте только.

С одной стороны были солдаты в синих штанах и синих мундирах, а с другой – солдаты, скажем, в жёлтых штанах и в жёлтых мундирах.

Для чего это? Для того, чтобы в бою дерущиеся узнавали своих и отличали неприятеля. Как будто понятно.

Но в течение долгих веков никто, никто не подумал о том, как легко стрелять в человека, ярко разодетого... Синие стреляли в жёлтых, а жёлтые в синих, и те и другие восторгались чёткостью мишеней... Поразительно!

И только совсем недавно кто-то в специальной французской военной литературе пробовал разобраться в вопросе – что было бы, если бы французы при Седане не носили свои красные штаны? Очень возможно, что Седана бы не было, – размышлял военный специалист... Да, совсем бы не было Седана, если бы французы вовремя расстались со своими красными штанами! Во сколько же обошлись Франции эти красные штаны?

Но это, так сказать, частный вопрос. Можно запросить шире: во сколько обошлись человечеству цветные военные штаны и мундиры?

Были блестящие генералы и полководцы, были гениальные стратеги, их имена сияют до сих пор с любой страницы великой истории человечества, но таких простых вещей, которые ныне знает любой пионер, эти почтенные мужи не знали...

Не знали – и всё!

И вот понадобились века, чтобы японцы придумали для полевой войны специальный костюм защитного цвета, то есть спецодежду такого цвета, как трава, как песок, чтобы не так легко было попасть пулей в человека.

Казалось бы, куда проще! А для этого, вот видите, понадобились века...

Естественно, что то открытие, которому посвящён настоящий роман, а именно: умение искусственно создавать людей, пришло с ещё большим опозданием, нежели многие более простые изобретения и открытия, и родилось, конечно, не в результате каких-нибудь сотен, а многих тысячелетий непрерывного и разнообразного кромсания людей.

Но о том, что искромсанных людей можно чинить, возвращать к жизни, об этом никто не подумал. О том, что ловко вырванные кишки можно положить на место и опять заставить выполнять свои функции, – этого никто не знал. Даже более; по-видимому, не хотел знать. Важно было выпустить кишки, оторвать человеку голову, выломить ему руки и ноги и разбросать в разные стороны. Это делали виртуозно. А чтобы зашить, собрать человека по кусочкам и заставить вновь работать его сердце – это величайшее из чудес, – до этого никто не мог додуматься, хотя это чрезвычайно просто, ещё, пожалуй, проще, чем цвет хаки в полевой войне.

Конечно, неизвестно, как это происходило детально, но на одном из больших погромов великое открытие наконец было сделано, и не только в негативной своей части, а именно – починка разорванных и исковерканных людей, но больше того: был найден рецепт изготовления человеческого теста и умение лепить из него – что чрезвычайно важно – людей новых.

Описанию этого знаменательнейшего, этого достойнейшего, прекраснейшего погрома, происшедшего в отсталой монархической стране – стране, которая даже не стоит того, чтобы её называли, – посвящается первая глава.

Глава первая

Погром был как погром. В нём участвовали не только чужие погромщики, подонки общества и жители окраин, активное участие в погроме принимали и многолетние соседи убиваемых и разгромляемых. Эти соседи деловито переносили к себе вещи убитых – благо, им было совсем близко. Правда, некоторым из них было совестно убивать старых соседей. Как-то неловко было. В этих случаях они ждали, когда их убьют другие, и, дождавшись, уносили вещи всё-таки к себе.

Громили очень интересовались содержимым животов беременных женщин. Животы эти вспарывались и, как водится, набивались пухом из подушек. Почему-то это считается особенным лакомством у погромных убийц. Младенцы убивались на ходу: ударом головой о фонарь или тумбу. Молодые девушки насильовались, а потом убивались. Мужчин убивали с большей поспешностью. Они всё-таки являли собою несравненно большую угрозу, нежели девушки, женщины и дети, – ведь мужчина в погромной суматохе может укокошить и кого-либо из погромщиков. Поэтому, естественно, мужчин убивали деловито и без разговоров. Зато стариков гоняли по дворам и улицам, и так как они не представляли прямой опасности, то над ними издевались, заставляли плясать, петь или, связанных, заставляли присутствовать при смерти своих дочерей, сыновей и внуков.

Разумеется, на этом погроме происходило много невероятных вещей, которые очень плохо рекомендуют человека. Смягчающих обстоятельств было мало. Правда, многие действовали в пьяном виде. Почти все были разагитированы дешёвыми, незажигательными теориейками. Полиция и войска поощряли погром. Тем не менее представление о людях резко менялось не только у пострадавших, но и у тех, кто был случайным свидетелем кошмарного зверства, проявленного двуногими. Менялись даже целые, хорошо сложившиеся мировоззрения.

На улицах, во дворах, на лестницах домов и в квартирах лежали убитые, раненые и на все лады исковерканные люди. Не надо было особенно пристально рассматривать ужасы содеянного, чтобы найти в изрядном количестве валяющиеся головы, руки и ноги.

Они, как принято выражаться, вопияли к небесам.

Но это, конечно, не меняло положения. «Вопияли к небесам» – это старое, выцветшее выражение, да и только.

И, разумеется, никто не обращал внимания на не старого ещё человека, скромно одетого, который поднимал то ногу, то руку, то голову и приставлял на соответствующие места к обрубкам тел. Думали, что это одна из погромных шуток, что это какое-либо издевательство, рассчитанное на длительный эффект. Заметив это, погромщики хохотали или выпускали дикие возгласы. Но уже через короткое время за странным человеком начали наблюдать.

Его поведение было действительно странное. Он заметно увлекался этим неслыханным делом. Он снял шапку, сбросил пиджак; ему было жарко, он вытирал пот, но продолжал носиться в разные стороны с оторванными руками, ногами и головами. У него нашлись добровольные помощники – несколько юношей, заинтересованных необычайными опытами, помогали ему. Странный давал им поручения, которые выполнялись ими, ввиду необычности дела, весьма точно и быстро.

– Слушай, сбегай на второй этаж, – кричал человек. – Там лежит рука, очевидно, принадлежащая вот этому телу.

Юноша побежал на второй этаж и принёс требуемое. Человек приставил руку к плечу, что-то сделал с телом убитого (его движения напоминали энергичный массаж или то, как месят тесто). Пот лил ручьями с его одухотворённого невероятным энтузиазмом лица. Юноши тоже энергично возились с трупом и делали всё, что им приказывали. Вокруг собралась толпа.

Настроение её с каждой секундой густело. Многие не понимали усилий странного человека. Зачем он складывает разные обрубки и мучается над ними? Для чего это нужно? Они так хорошо поработали, так удачно кромсали, а этот пытается приладить оторванные руки и ноги на соответствующие места... Небывалая работа! Сколько свет стоит и сколько было погромов – такого дела никто не видывал.

В толпе раздавались насмешки, переходившие в угрозы. Ещё минута – и странный человек, возможно, разделит бы участь людей, с останками которых он возился.

Но чудо произошло вовремя. Помогавшие ему юноши буквально улетели в стороны, а толпа шарахнулась: труп встал совершенно бодро, даже без небольшой сонливости, которая должна была бы быть, которая бывает после обыкновенной болезни или после летаргии. Ничего. Встал как ни в чём не бывало. Почесал оторванную руку и довольно грубые швы (мы забыли упомянуть, что старик работал шилом, прежде чем месить) и сказал, обнаруживая полную свежесть памяти и здравого сознания:

– Мерзавцы, гнусные убийцы! Что вы делаете? Когда вы прекратите? Ах вы сволочи, сволочи!

Совершенно невозможно описать, что произошло. История человечества знает бесчисленное количество бегств, но это бегство было первым по стремительности и по ужасу. Бежавшие погромщики подняли такой рёв, плач, визг и крик, что стоны убиваемых были совершенно заглушены. Эта небольшая толпа, видевшая, как ожил убитый, своим бегством увлекла почти всех погромщиков. Даже через несколько улиц обращались в бегство целые полицейские казармы и войсковые части. Многие даже не успевали вскакивать на лошадей, и лошади бежали без всадников. Многие падали от ужаса и умирали от разрыва сердца.

Около оживлённого остался только странный человек и помогавшие ему добровольцы-юноши. Они тоже не могли выговорить ни одного слова, но от радости, вернее – от состояния крайнего оцепенения, близкого к столбняку.

Наконец человек, открывший способ оживлять людей, пришёл в себя и сказал оживлённой жертве погрома:

– Поздравляю тебя, человечина! Ура! Отныне не страшны самые гнусные инстинкты наших ближних! Наплевать! Одни тебя укокошат, а другие тут же оживят! Нехитрая механика человеческого организма разгадана! Вот, посмотри на себя, чем ты был и чем стал? Знаешь ли ты о том, где ещё час тому назад была вот эта рука и эта нога? Рука твоя лежала на втором этаже, а ногу я нашёл в канаве. Твоё лицо, подвёрнутое под спину, лежало с бессмысленной покорностью трупа, застывшего на первой попавшейся мысли. У тебя были вывороченные губы, и ты лежал, как болван, оцепенев от отчаяния только потому, что тебя рубили какие-то мерзавцы. Гнусная чепуха! Вот, смотри, теперь ты будешь жить, как все живут!

Тут произошло маленькое недоразумение. Он подошёл к оживлённому, осмотрел его, похлопал и заметил, что рука приложена неправильно.

Он взял нож – их много валялось вокруг – и хотел подрезать руку, с единственной целью лучше её приладить. Но оживлённый вырвался с ловкостью животного, схватил дубину, которых тоже валялось достаточно, и отпустил своему спасителю такой удар, что череп у него лопнул в трёх местах.

– Довольно! – орал он не своим голосом, прыгая с дубиной, как фавн. Довольно! Больше я не дам себя убивать. Второй раз не удастся. Мерзавцы вы! Погромщики и убийцы!

Юноши с трудом успокоили несчастного и перевязали череп странному человеку верёвкой. Он лежал, почти потеряв сознание, но успел пробормотать, что главное ему добраться бы домой, а там он череп себе починит.

Глава вторая

Юношей звали Ориноко и Камилл.

Выудив из потухающего сознания раненого его адрес и узнав, что его фамилия Латун, они отвезли его домой.

Человек, сделавший величайшее на земле открытие, жил в обыкновенной комнате, у обыкновенной квартирной хозяйки.

Комната была светлая. Два окна, выходящих на улицу, давали много света и освещали кровать, – такую кровать, которая обычно бывает у многих думающих и очень занятых людей, то есть небрежную, плохо прибранную кровать, на которой спали мало и беспокойно.

В углу находился небольшой стол, заставленный всевозможными, неизвестного назначения склянками, выдувателями, самодельными приборами, мисками с сероватой массой и предметами домашнего обихода. Вдоль стены стояла ещё длинная скамейка, тоже, как и подоконник, загромождённая лабораторным хламом. Неподалёку от кровати стоял большой чемодан, прикрытый ковриком. Этот чемодан был предметом особых забот хозяина. Внесённый на руках юношами, он тотчас же обратил в сторону этого чемодана озабоченное лицо. Когда его положили на кровать, он подал знак юношам, чтобы они ушли.

Затем, теряя сознание и возвращаясь к нему, он с глубоким стоном поднялся, вернее, свалился с кровати и подполз к чемодану. Около самого чемодана он опять потерял сознание на несколько минут. Очнувшись, он стал шарить ослабевшей рукой, ища нужную кнопку. Прошло немало времени, пока он нашёл её, и когда чемодан наконец раскрылся, Латун вскочил на колени, как человек, спасение которому пришло вовремя, и ткнулся головой в мякоть, занимавшую его среднюю часть. Чемодан был разграничен на отделения, и в разных клетках находились массы, похожие на тесто и отличающиеся по цвету. Ткнувшись головой в среднее отделение, заполненное синеватой мякотью, Латун постоял так несколько секунд, затем отпрянул, и лицо его приняло такое выражение, как будто он нанюхался табаку и сейчас начнёт чихать. С этим выражением, не вставая с колен, он постоял ещё минуты полторы.

Затем вскочил с поразительной после недавнего состояния лёгкостью и, совершенно здоровый, прошёлся по комнате.

Обыкновенными ножницами он срезал повязку, смахнул с волос синеватую пыль и, позвав бодрым голосом юношей, ожидавших в коридоре, стал смывать с лица кровь над обыкновенной умывальной миской.

Юноши, уже ошеломлённые во время погрома зрелищем воскрешения мертвеца, всё же были поражены выздоровлением Латуна не меньше, чем при операции с мертвецом.

Однако лишние вопросы, восклицания и внешнее изъяснение чувств не было им свойственно. Камилл был моложе и наивнее, но и он ничего не сказал, а только открыл рот и испустил еле слышный возглас крайнего изумления.

– Садитесь, – сказал Латун, указав на кровать.

В комнате был только один стул, который он занял сам, вытирая руки и лицо мохнатым полотенцем.

– Вот что, дорогие мои, – сказал он. – Вы присутствуете при невероятном событии. Не обращайтесь внимания на обстановку. Потом, когда об этом будут писаться сотни, тысячи, десятки тысяч книг, вряд ли будет описан этот грязный подоконник, эта скамья или неприбранная кровать, на которой вы сидите. Моё открытие будет овеяно легендами; которые обязательно будут придуманы.

Всё будет стилизовано и выкрашено в праздничные тона. Вы же присутствуете в его непосредственных буднях, но тем не менее значение открытия от этого не умаляется. Конечно, мне теперь нужны будут люди. Так или иначе, придётся кого-нибудь посвятить в тайну моего

открытия. Не возражаю, чтобы вы были первыми. Я за естественный подбор. Раз вы здесь, значит, вам нужно здесь быть. Не в том дело, что вы меня привезли домой.

Конечно, я благодарен вам и за это. Но не это главное. Главное то, что во время погрома вы обратили внимание на мой опыт и весьма существенно ему помогли. Кстати, где тот, которого я оживил и который меня угостил ударом дубинки?

Ориноко спокойно и деловито сказал:

– Мы послали за ним третьего нашего товарища, Кнупфа. Вы его ещё не знаете. Он тоже заинтересовался этим делом, и когда мы отправляли вас домой, мы попросили Кнупфа последить за воскрешённым – ведь нельзя же выпускать из виду такого человека... Это бывает не каждый день. Что касается Кнупфа, то он кое-что понимает в этих делах. Он недавно сам убил шесть человек, и вопросы воскрешения людей и человекоделания его весьма интересуют.

Латун неопределённо улыбнулся. Улыбка на его лице выглядела странно. В его чертах не было ничего особенно сурового, но что-то в корне отрицало улыбку. Улыбка так же не вязалась с лицом Латунa, как, скажем, она была бы неожиданна у кошки, у лошади или другого животного.

Минут через десять в дверь постучались.

– Это Кнупф, – сказал Ориноко.

– Неужели так скоро? – спросил Латун.

– Да, он человек быстрый и решительный.

Действительно, это был Кнупф. Он вошёл, держа за рукав, как полицейский арестованного, оживлённого мертвеца. В позе Кнупфа и в его сдвинутых бровях было что-то суровое, но и крепкое в то же время – та же деловитость, которая отличала и его товарищей – Ориноко и Камилла.

Это были подходящие парни. Латун подумал, что подобрались именно те, кто нужны ему для столь трудного дела. Суровая и в то же время внимательная работоспособность и решительность юношей настраивала и его самого на деловой лад. Он старался попадать в тон своим помощникам.

– Ну, что? – обратился он к приведённому Кнупфом человеку. – Как вы себя чувствуете?

Оживлённый мертвец прежде всего не мог оправиться от изумления при виде совершенно здорового Латунa, который ещё так недавно лежал с разбитым черепом. Он ничего не мог сказать. Он стоял с открытым ртом, и в глазах его была та муть, которая отличает восприятие редкого и невиданного.

– Я ничего не понимаю, – сказал он, вздохнув и оправившись. – Или я с ума сошёл, или происходит что-то чрезвычайно странное. Я был убит. Вы меня оживили. Затем я сделал несомненную ошибку, ударив вас дубиной. Да, я признаю свою ошибку. Сознаюсь, это был весьма поспешный акт. Но, согласитесь, я имел право на эту оплошность. Ведь очень неприятно быть убитым во второй раз. Как вы полагаете? Я ведь не знал, почему вы кинулись на меня опять с ножом. Но по дороге этот гражданин (он указал на Кнупфа) мне объяснил всё. Кстати, – добавил он, – что вы меня держите за рукав? Я не убегу никуда. Я начинаю разбираться в обстановке...

Он оглянулся, подумал, вздохнул и сказал, обращаясь к Латуну, причём лицо его приняло выражение пациента, больничного просителя:

– Дорогой гражданин, вы сделали для меня много, но я не могу поворачивать голову влево. Вы явно неправильно приладили её. Когда у вас будет свободное время, пожалуйста, исправьте этот дефект. А теперь разрешите поблагодарить вас за возвращение мне жизни, отнятой отвратительными мерзавцами-погромщиками.

– Ладно, ладно, – хмуро сказал Ориноко, не любивший торжественных сцен. – Бросьте эти благодарности, всю эту чепуху. Не в этом дело. Предстоит много работы.

Инициативный, как и его товарищи, он достал из кармана свёрнутую тетрадку и обратился к оживлённому:

– Расскажите, как вас убивали, а я запишу.

Латун одобрительно молчал.

– Вам это нужно? – спросил оживлённый мертвец.

– Да. Нужно. Очевидно, не вы первый были убиты. Однако вы являетесь первым, кто подвергся такой удачной воскресительной операции. Человечество ждёт такого рассказа тысячелетия. Правда, были случаи, когда люди бежали от смерти, казавшейся неминуемой. Например, недострелянные притворялись убитыми, а потом, оставленные в поле, спасались. И так далее. Их рассказы обычно бывают довольно содержательными, но, конечно, им трудно верить. Они большей частью врут, как охотники и как всякие люди, переживающие необычное. Некоторые врут даже незаметно для себя, то есть врут и искренне думают, что именно так было. Воображение дорисовывает и приукрашивает случившееся. Вы же вряд ли успели приукрасить. Поэтому интересно послушать голую, настоящую правду. Рассказывайте скорее.

Кнупф отпустил наконец рукав приведённого, и последнему, ввиду явной его слабости, вызванной необычными переживаниями, дали единственный стул, с которого поднялся Латун.

Капелов (фамилия оживлённого) сел, задумался и вдруг зарыдал очень искренне и горячо. Латун и трое юношей прогуливались по комнате.

Капелов рыдал, свесив голову и поворачивая её вправо – влево она не поворачивалась. Слёзы струями текли на его грудь и колени.

– Ах, мерзавцы, – вырывалось из его искривлённого страданием, прыгающего от рыданий рта. – Вы не можете иметь представления о том, какие это мерзавцы. Я рыдаю от жалости к себе. О, что приходится переживать убитому, то есть убиваемому человеку...

Камилл подал Капелову стакан воды и вытер его лицо губкой, лежащей на столе.

– Успокойтесь, – довольно ласково сказал он; – Вы должны понять, что трагизма нет больше в этом деле. Ну, вас убили, а вы всё-таки живете. Ещё раз убьют – вторично будете оживлены. Вы присутствуете при величайшем на земле открытии, благодаря которому смерть будет регулирована, как многое другое.

Капелов вытер слезы жестом, напоминающим детство.

– Началось это, как обычно начинается. Мы знали, что в городе тревожно, но, в конце концов, не в первый раз переживали такую тревогу. Были всякие слухи о беспорядках на окраине города, но мы надеялись, что всё успокоится. Но вдруг, неожиданно, в полдень, когда я обедал со своей семьёй, с улицы донеслись крики, свист, вопли, выстрелы и тот особый гул, который говорит о том, что несчастье развернулось и остановить его трудно. О, вы не знаете это собачье чувство беспомощности! Начинаешь себя чувствовать в чём-то виноватым... О, как унизительны эти поиски спасения! Как омерзительна мысль о погребке, о чердаке, о какой-нибудь норе, куда можно было бы запрятать несчастное тело, которое хотят разорвать. О, какой мрак!.. Самое обычное чувство здорового возмущения и протеста тускнеет. Ослабеваешь воля к жизни. В конце концов усталый мозг пронизывает одна мысль: только бы скорее. Скорее бы кончилось это издевательство, эта безмерная обида. Вы подумайте, огромная толпа набрасывается на безоружных, на детей, на женщин... Я даже не знаю, как это можно воспринять, как это происходит. Это бойня. Убиваемые свиньи должны это чувствовать так же... Это... это что-то непостижимое!.. Как им не стыдно?! Их так много, их охраняют и поощряют полиция и войска...

– А почему вы не сопротивлялись? – спросил Кнупф. – Что из этого, что их много! Терять вам нечего, всё равно зарежут. Так сопротивляйтесь!!! Убивайте кого попало!!! Пусть за вашу жизнь поплатится жизнью десяток!

Капелов грустно задумался:

– Действительно, это верно. Даже мысль об этом возбуждает. Но это с большим трудом можно осуществить. Вы знаете, в нас самих сидит провокатор. Имя ему – надежда. Человек надеется до последней секунды.

На что надеется? Неизвестно. Чёрт его знает, на что. Даже когда его присудили к смертной казни, прочитали приговор, вывели на площадь, собрали народ – уже ничего не может измениться, его не хотят слушать, бьют в барабаны, чтобы заглушить его слова, а он – идиот – надеется на что-то. Уже голову воткнули в петлю, а надежда его не покидает. Он смотрит вытупленными глазами, как баран, на руки палача, продолжая надеяться.

Ну, что вы скажете?

Кнупф, который убил шесть человек, имевших неосторожность напасть на него, и которого жгло неугасимое желание рассказать этот случай, счёл уместным сделать это сейчас.

– Нет, – сказал он, – надо раз навсегда отбросить в этом мрачном деле всякие сантименты. Что, в самом деле, ожидания, надежды, какие-то чувства виноватость какая-то, обречённость. Кому это нужно? Вот на меня напало шесть мерзавцев на дороге: с одной стороны крутая гора, с другой – озеро, бежать некуда. А они стоят передо мною совершенно уверенные в том, что я буду для них игрушкой. Они не спеша собирались кончать со мной. Они даже не принимали мер предосторожности, ошибочно полагая, что я буду терпеливо ждать своей гибели. Ничего подобного. У меня не было никакого желания расставаться с жизнью. Я отчётливо помню, что у меня не было никаких чувств, никакой виноватости. Вздор! Я их ненавидел всем своим существом, с головы до ногтей на ногах. Я холодно высчитывал, как уничтожить бандитов, и, когда я неожиданно ударил одного из них страшным ударом – головой в лицо – и выхватил у него нож, я молниеносно проникся уверенностью, что ни один не уйдёт. Поражённый в лицо ударом моей головы, он отступил на несколько шагов, а второй тут же упал с перерезанным горлом. На меня набросились двое, но я продолжал работать ножом как бешеный, и, справившись с ними, догнал последних двух, бежавших на небольшом расстоянии друг от друга. Ноги мои дрожали от неповторимой сладости победы. Да здравствует победа! Да здравствует решимость!! Да здравствует жестокость!! Пусть гибнет враг! Я не хотел слышать их презренные вопли, их выкрики и слова! Не хотел! Мне было безразлично, что они скажут! Если бы они говорили самые умные вещи...

– Вот, вот, вот именно, – с грустью перебил Капелов. – Это верно. Когда тебя режут, можешь говорить самые умные вещи, это не поможет. Всё равно зарежут.

– Да, – продолжал Кнупф. – Я зарезал их. Почему они напали на меня, шестеро на одного безоружного? Что за гнусность, что за бесстыдство!!

– Совершенно верно, – продолжал Капелов. – Именно бесстыдство. О, если бы я мог так действовать, как вы! Но, повторяю, я не мог. Я жил исключительно надеждой. Я надеялся на счастливую случайность, на то, что они уйдут, что их отвлекут, что они забудут о нас, не заметят. Мало ли что могло произойти. И, когда они ворвались в квартиру и ударом топора на моих глазах убили мою жену, убили мою дочь, – я даже не понял, что произошло. Я ничего не чувствовал в эти мгновения. Повторяю, я просто не понимал, что происходит. Я думал, что это обман зрения, и – я помню – ко мне подошёл блондин, пристально глядевший на меня. Красивые губы его были чуть-чуть сжаты. Возбуждённое спокойствие на его лице перемножалось с любопытством. Он подошёл ко мне, схватил меня за волосы и стал резать шею. Так просто! Я рванулся и опрокинул стол. Я схватил лампу и – помню – очень удачно, очень ловко вклеил в его лицо. Мне казалось, что она вошла куда-то глубоко. А дальше не знаю, что было, – я потерял сознание. Скажите мне, дорогие, не можете ли вы оживить мою жену и дочь так, как оживили меня? Я не знаю, где они. Их тела так же истерзаны, как было истерзано моё. Но, может быть, их можно найти? Пойдёмте поищем! Спасите их! Я буду вечно вашим рабом. Вечно! Пойдём, а?

Было ясно, что больше ничего Капелов не скажет и вряд ли сможет сказать. Кнупф высокопарно выразился, что человечество тысячелетия ждёт рассказа оживлённого человека о том, как его убивали. Но ничего существенного всё же Капелов не сказал.

Латун громко зевнул и потянулся. На лице его отчётливо отразилась скука.

Латун был практиком. Размышления отвлечённого порядка его захватывали не очень глубоко. Во всяком случае, из-за них он не забывал текущих дел. Посмотрев на Капелова и особенно выслушав его просьбу о спасении жены и дочери, сделанную в столь заурядной, унижительной форме, он поморщился и сказал будничным тоном:

– Постараюсь, постараюсь, голубчик. Это всё же не так легко и просто, как вам кажется. Постараюсь. Голову вам тоже поправлю в свободное время.

– А сейчас нельзя? – попросил Капелов.

Помимо его воли тон у него получился развязный.

Латун из обыкновенного чувства противоречия, рождённого раздражением и лёгкой брезгливостью, ответил:

– Сейчас нельзя. Достаточно, что я вас оживил вообще. В вашем положении уметь поворачивать голову хотя бы в одну сторону – уже большое достижение.

– Это верно, – подтвердил Ориноко. Его задел тон Капелова. – Большое счастье уметь поворачивать голову хотя бы в одну сторону, точно так же, как и носить её на плечах. Я помню, какой вид имела ваша голова, когда она лежала в канаве.

– Так вот, – сказал Латун, явно довольный поддержкой Ориноко, – если хотите, вы можете служить у меня. Я затеваю большое дело. Люди, откровенно говоря, мне не очень нужны. Я их умею делать сам точно так же, как и оживлять умерших. Но всё-таки я согласен принять вас на работу. Материал стоит дорого, делать служащих и работников придётся много, так что я охотно воспользуюсь существующими людьми. В частности, вам всё равно делать нечего. Имущество ваше разграблено, жены и детей нет. Кстати, чем вы занимались до того, как были убиты?

– Я был комиссионером чайной фирмы.

– Ну что ж, очень хорошо, – сказал Латун, явно не придавая значения своей фразе, сказанной им только для того, чтобы закончить беседу.

Затем он добавил:

– Посидите здесь пока. Ориноко, составьте список штатов первой в мире Мастерской Человеков. Запишите себя, Кнупфа, Камилла и гражданина Капелова.

Глава третья

Погром продолжался. Крики, вопли, выстрелы, топот, гнусные погромные свистки и шум омерзительнейших операций по преследованию и убийству людей не прекращались почти весь день.

Но Латун решил отправиться в комитет по делам открытий и изобретений, не дожидаясь окончания погрома.

– Надо приступить к работе, – сказал он. – У меня всё готово. Надо получить разрешение. А если потребуется проверка, так это денег не будет стоить: на улице сколько угодно трупов. Я покажу всё, что они захотят, в смысле оживления, переделок и так далее.

Он отправился в комитет в сопровождении Кнупфа и Ориноко.

По случаю погрома работа в учреждении шла с перебоями. Настроение было полупраздничное, полутревожное. Но всё-таки чиновник спросил у пришедших, что им нужно.

Латун в нескольких словах изложил ему суть величайшего своего открытия и добавил:

– Понимаете, для того, чтобы изобрести какой-нибудь примус, нужно всё-таки затратить медь, олово, проволоку, всякие материалы, надо, наконец, жечь бензин. Тут же ничего этого не нужно. Кровь человеческая стоит дёшево, вы видите, как она льётся. По цене её нельзя сравнить с бензином. Она просто ничего не стоит. А человеческое тесто, то есть человеческие ткани, валяются где попало, так что, пожалуйста, проверьте скорее моё открытие и дайте мне скорее патент. Я хочу открыть мастерскую, в которой буду не только оживлять умерших или преждевременно убитых, но и делать новых людей, так как секрет моего открытия вполне позволяет и это, хотя, правда, создание новых людей дороже оживления мёртвых.

Юноши с волнением слушали и в подтверждение сказанного кивали головами.

Латун, проявляя огромную инициативу и полную самостоятельность в своих действиях, всё же любил советоваться с окружающими, любил получать поддержку своих слов и действий и почти после каждой фразы обращался к молодым спутникам со словами:

– Не так ли? Не правда ли?

Юноши, искренно привязавшиеся к странному человеку и предчувствовавшие большое дело, соглашались с ним.

Но чиновник комитета по делам открытий и изобретений, хмуро зашнуровывая бумаги, с типичным чиновничьим равнодушием, которое во все времена и эпохи твёрдо как железобетон, сказал:

– Изложите всё это письменно. Устные заявления не принимаются.

На следующий день счастливец, сделавший величайшее в истории человечества открытие, принёс декларацию в письменном виде. Но ему опять не повезло: декларация была написана не по форме. Чиновник пояснил:

– Вы неправильно написали. Вы должны изложить только суть открытия и должны оставить поля для примечаний. Вот и всё. Остальное должен сделать комитет.

Латун спокойно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.